

ВВЕДЕНИЕ

Украина и Крым в период Гражданской войны пережили одну из величайших драм в своей истории. Распад Российской Империи породил мощнейшие национальные движения на окраинах: насаждение новой государственности на территории вчерашних генерал-губернаторств и краев сопровождалось невиданным разгулом жестоких страстей. Украина и Крым не стали в этом ряду исключением. По сути, на территории благодатного края царил хаос, власть переходила из рук в руки, в то время как население было фактически отдано этой самой властью на откуп грабителям всех мастей и калибров. Одновременно с этим Украина и Крым стали объектом беззащитного интереса союзников, а перед этим — центральных держав. И те, и другие преследовали в первую очередь свои собственные интересы, рассматривая занятую территорию как великолепную сырьевую и геополитическую базу, а население — как обслуживающий персонал.

В общем-то, ужас и бессмысленность братоубийственной бойни легче чем где бы то ни было можно проследить на примере рассматриваемого региона. Особенность развития политического процесса на Украине и в Крыму заключалась в нарастающей силе хаоса и жестокости противоборствующих сил. Безусловно также и то, что история Украины и Крыма неотъемлемым образом связана с историей русской Гражданской войны: именно Киев и Севастополь зачастую были перевалочной базой для офицерства перед дальнейшей отправкой его на Дон; здесь отдыхали от ужасов чрезвычайек представители российской буржуазии и видные политики старой России; наконец, здесь в условиях *мирного времени* (ни Украина, ни Крым в 1918 году не принимали формального участия в Гражданской войне в России) Скоропадский и Сулькевич — диктаторы Украины и Крыма — могли попытаться создать «землю обетованную», от которой могло пойти возрождение прежней России — великой и независимой державы. Однако все сложилось иначе, не так, как хотелось многим, верившим в прочность Украинской Державы и Крымского протектората, а главное — в силу немецких штыков.

В 1918 году Украина и Крым стали ареной противоборства самых разных политических сил — от монархистов до украинских и татарских националистов. Общим для всех участников борьбы было стремление к захвату власти. Как и всегда в таких случаях, народ оказался разменной монетой в сложной политической игре по очень большим ставкам.

Целью работы является реконструкция политической истории независимых Украины и Крыма в 1918 г. — начале 1919 г. и рассмотрение ее взаимосвязи

с историей русской Гражданской войны. Автор выдвигает тезис о параллелизме, а подчас и практически буквальном совпадении картины событий, происходивших тогда, почти сто лет назад, и сейчас — в наше время — на территории новообразованных государств.

Под Украиной и Крымом понимаются территории, занимаемые этими государствами на момент провозглашения ими государственной независимости и фактического отделения их от России. Структурно работа состоит из 4 глав, разделяющихся, в свою очередь, на тематические параграфы. Дополнением к основному тексту монографии являются 6 приложений — неопубликованные воспоминания из различных архивов, позволяющие увидеть развитие того или иного сюжета глазами непосредственных участников событий. Среди приложений особо можно выделить № 1 — отрывок из воспоминаний осведомленного кадета В. М. Левитского, а также № 2 — отрывок из воспоминаний генерала Б. С. Стеллецкого, начальника штаба гетмана П. П. Скоропадского.

В работе преимущественно используется григорианский календарь (новый стиль), применявшийся на территории РСФСР и Украины (на Украине, начиная с 1 марта 1918 г.). В случаях, когда речь идет о событиях, происходивших на белом Юге России, применяется старый стиль (юлианский календарь). Так, например, во всех ссылках на газеты, выходившие на белом Юге, также, как и на газету В. В. Шульгина «Киевлянин», и ряд других изданий, из политических мотивов (антибольшевизм) не признававших новый стиль, применяется старый стиль, использовавшихся в этих изданиях. К слову, большинство «белых» мемуаристов и в эмиграции, описывая происходившие в годы Гражданской войны события, использовали именно старый стиль. В особых случаях используется двойная датировка. В большинстве случаев цитата приводится полностью, в случае прерывания непрерывного цитирования многоточие заключается в угловые скобки. Во всех других случаях (чаще всего это относится к цитатам из работ В. В. Шульгина, излюбленным публицистическим приемом которого было отточие) отточия принадлежат самому автору используемой цитаты.

Работа основана в значительной степени на первичных источниках, отложившихся в российских и украинских архивах. Основу источниковой базы работы составили архивные материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного Военного архива (РГВА), Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ). В ГАРФ отложились уникальные по своей ценности документы Пражского Русского Зарубежного исторического архива (РЗИА), перемещенные после Второй Мировой войны в СССР. Материалы бывшего Пражского архива характеризуют историю Гражданской войны во всех регионах бывшей Российской империи.

Так в фонде Р-446 (Политическая канцелярия Особого Совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России) содержатся материалы, проливающие свет на взаимоотношения южнорусского Белого движения с окраинными государственными новообразованиями (Армения, Азербайджан, Грузия, Украина и т. д.), донским и кубанским казачеством, союзными и германскими оккупационными войсками на Юге России. Здесь и крайне информативные аналитические отчеты об обстановке в том или ином регионе, и интереснейшая переписка

между деятелями самых высоких рангов и многое-многое другое. Особой ценностью обладают, как кажется, политические сводки «Азбуки», тайной осведомительной организации В. В. Шульгина, поставленной им на службу Добровольческой армии. Доклады и отчеты «азбучников» о положении на Украине — уникальный по своей ценности документ эпохи, обладающий высокой степенью достоверности излагаемого материала. Большое внимание при работе над книгой было уделено фондам личного происхождения. В ГАРФ также сосредоточились личные фонды ведущих персоналий Белого движения: генералов, политиков, деятелей так или иначе связанных с Добровольческой армией, среди которых в свете изучаемой проблемы следует в первую очередь назвать фонды А. И. Деникина (Ф. Р-5827) и В. В. и Е. Г. Шульгиных (Ф. Р-5974). Особый интерес здесь вызывает так и не опубликованная в полном объеме до настоящего момента книга В. В. Шульгина «1919 год», раскрывающая «кухню» такого важнейшего эпизода Гражданской войны, как французская интервенция. Материалы этих фондов активно задействованы автором в работе, и обладают несомненной научной ценностью.

Поистине энциклопедией гражданской войны являются материалы фонда Р-5881 (Коллекция отдельных документов белоэмигрантов), в котором отложились сотни до сих пор не опубликованных воспоминаний участников Белого движения, многие из которых были привлечены автором к работе над книгой и в большинстве своем впервые введены в научный оборот. Мемуары С. Н. Ряснянского, В. М. Левитского, В. Е. Рейнбота, одесского градоначальника генерала В. А. Мустафина, начальника Одесского центра Добровольческой армии вице-адмирала Д. В. Ненюкова, Н. Н. Шиллинга и многих других представляют большой интерес для исследователей. Значительную ценность представляют также материалы Российского Государственного Военного архива (РГВА), бывшего Центрального Государственного архива Советской армии (ЦГАСА). В работе над книгой автор использовал документы фондов РГВА, из которых прежде всего следует упомянуть фонды 39720 (Штаб Добровольческой армии), 39540 (Штаб Главнокомандующего Добровольческой армией), 40236 (Личная канцелярия военного губернатора гор. Одессы и примыкающего района. (Ген.-майор А. Н. Гришин-Алмазов), 40307 (Varia), 40308 (Varia), 40238 (Военно-политический отдел Добровольческой армии). Материалы последних трех фондов дополняют фонд Политической канцелярии, хранящийся в ГАРФ.

Интересные документы отложились также и в украинских архивах: большим подспорьем в работе стали материалы Центрального Государственного архива высших органов власти и управления Украины (г. Киев) — базового архивохранилища по истории Украинской Державы периода Скоропадского. Среди документов ЦГАВОУ особо следует выделить воспоминания генерала Б. С. Стеллецкого, служившего в 1918 году начальником штаба гетмана Скоропадского¹. Кроме того, в фондах ЦГАВОУ можно найти информацию по петлюровскому движению, взаимоотношениям германо-австрийских оккупационных сил с гетманским режимом, об обстоятельствах перехода в подданство Украины бывших граждан РСФСР и т. д. Интересные документы также удалось обнаружить в Центральном государственном

¹ ЦГАВОУ Украины. Ф. 4547. Оп. 1. Спр.1–2.

архиве общественно-политических объединений Украины (ЦДАГО Украины). Среди них выделяются материалы, отложившиеся в фонде № 59 — Коллекция воспоминаний участников революционного подполья, гражданской и Великой Отечественной войны и социалистического строительства. Немалый интерес представили и областные архивы — Государственный архив Киевской области (ГАКО) и Государственный архив Одесской области (ГАОО). Так в ГАКО исключительный интерес представляет фонд Р-2793 (Осведомительный отдел при Киевском градоначальнике), а в ГАОО — личные фонды главного редактора газеты «Одесский листок» кадета С. Ф. Штерна (Ф. 156) и видного ученого, профессора Новороссийского университета И. А. Линниченко (Ф. 153), дневник которого представляет собой уникальный по своей информативной ценности документ. Подавляющее большинство архивных материалов впервые вводятся автором в научный оборот. В работе автором также активно использовалась периодическая печать того времени, богатейшее мемуарное наследие представителей «украинского», «белого» и «красного» лагерей Гражданской войны, а также сборники опубликованных документов.

Естественно, что автор понимает свою работу лишь как *первое приближение* в решении сложной исторической проблемы. Вместе с тем совокупность обработанных материалов позволяет, как кажется, говорить о том, что некоторые, пускай и самые общие выводы автора не безосновательны.

Историография изучаемой темы исключительно обширна, ее развитие до начала перестройки в значительной степени происходило под воздействием политической ситуации в Советском Союзе. После распада СССР и образования независимой Украины и Автономной Республики Крым украинскими и крымскими специалистами было создано немалое количество работ, в значительной степени, как правило, зависимых от текущей политической конъюнктуры. По удачному определению московского историка И. В. Михайлова, после распада СССР «историки на Украине так и не обрели независимость от политики»². Автор сознательно не вдается во введение в анализ историографии изучаемой проблемы, сравнивая точки зрения историков на страницах монографии³.

² Михайлов И. В. «Украинская революция» или революция на Украине? // Вестник МГИМО. 2010. № 7. С. 9.

³ Укажем лишь основные работы, среди которых, безусловно, выделяются серьезные и содержательные монографии российских историков В. П. Федюка (*Федюк В. П.* Белые. Антибольшевистское движение на юге России 1917–1918 гг. М., 1996. Вторая и третья глава монографии Федюка напрямую затрагивает рассматриваемые автором этих строк исторические проблемы. Федюк, в частности, рассматривает гетманскую Украину как составную часть антибольшевистского движения. См.: *Федюк В. П.* Указ. соч. С. 144); В. Ж. Цветкова (*Цветков В. Ж.* Белое дело в России. 1917–1918 гг. Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. М., 2008. С. 235–274). Цветков, к слову, утверждает, что гетманская Украина не может считаться составным элементом южнорусского Белого дела и рассматривает ее историю лишь в той степени, в какой она имела значение для российского Белого движения (см.: *Цветков В. Ж.* Указ. соч. С. 235–236); В. П. Булдакова (*Булдаков В. П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010). Немалый интерес представляют также статьи московского историка И. В. Михайлова (*Михайлов И. В.* Малоизвестные страницы деятельности правительства гетмана П. П. Скоропадского // Гражданская война в России. События, мнения, оценки. Памяти Ю. И. Кораблева. М., 2002. С. 457–469; *Михайлов И. В.* «Украинская революция» или революция на Украине? // Вестник МГИМО. 2010. № 7. С. 1–11). Некоторым сюжетам, затрагиваемым в монографии, были посвящены и 2 статьи автора

В настоящем исследовании автор, сопоставляя достижения российской, украинской, зарубежной и эмигрантской историографии, на основе преимущественного использования документальных источников, как правило, архивного происхождения, постарался предельно беспристрастно воссоздать картину сложнейших политических событий, происходивших на Украине и в Крыму в 1918-начале 1919 гг.

Хронологические рамки рассматриваемого периода — от захвата Киева красногвардейскими отрядами Муравьева (январь 1918 г.) и вовлечения Украины в русскую Гражданскую войну — до краха французской интервенции в Крыму и Одессе (весна 1919 г.), в значительной степени обусловившего и последующие неудачи Вооруженных Сил на Юге России под предводительством генерала Деникина.

Автор не может не поблагодарить за всегдашнюю помощь, искреннюю поддержку, а в особенности — за ценные замечания своих коллег, товарищей и близких — петербургских историков Н. Н. Смирнова, Р. Ш. Ганелина, Е. О. Пученкову, А. Э. Котова, В. В. Калашникова, Д. Н. Меньшикова, А. А. Иванова, О. Н. и О. А. Скрыбиных, М. В. Ходякова, Г. Л. Соболева, Ю. Г. Алексеева, Ю. А. Нерсесова, В. Б. Лобанова и А. А. Касатова. Огромную помощь на протяжении многих лет мне оказывали и оказывают московские коллеги — А. В. Ганин, В. Б. Каширин, Р. Г. Гагкуев, М. А. Колеров, О. Р. Айрапетов и Д. А. Мальцев. Нельзя быть безучастным и не испытывать чувства благодарности к подвижнической деятельности сотрудников российских и украинских архивов и библиотек, в которых довелось работать автору. Огромную признательность хотелось бы засвидетельствовать всему коллективу Российской Национальной библиотеки — родной Публички, дорогому месту для каждого петербургского гуманитария. Отдельная благодарность — моему другу киевскому исследователю С. В. Машкевичу, поистине непревзойденному знатоку истории своего родного города. Вряд ли работа была бы закончена без всегдашней любви и поддержки моих родителей — Альбины Викторовны и Сергея Ивановича Пученковых.

этих строк (см.: *Пученков А.* Переворот в цирке. Страстная неделя Павла Скоропадского // *Родина*. 2007. № 7. С. 81–83; *Пученков А. С.* Киев в конце 1918 г.: Падение режима гетмана П. П. Скоропадского // *Новейшая история России*. 2011. № 2. С. 57–72). Из работ украинских историков максимальной непредвзятостью в оценке гетманского периода отличаются монографии В. Ф. Солдатенко (см.: *Солдатенко В. Ф.* Гражданская война в Украине. 1917–1920 гг. М., 2012) и Р. Я. Пирога (см.: *Пиріг Р.* Українська гетьманська держава 1918 року: Історичні нариси. К., 2011). Из работ, посвященных Крыму, выделяется основательная и построенная на местном архивном материале монография симферопольских историков А. Г. и В. Г. Зарубиных (см.: *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Без победителей: Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008). Автор сознательно не углубляется в анализ зарубежной историографии проблемы, полагая, что это — предмет отдельного исследования.

Глава I

УКРАИНА НА РУБЕЖЕ 1917–1918 гг.: ОТ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО ГЕТМАНЩИНЫ

§1. Поражение Центральной Рады и первый опыт Советской власти на Украине

В марте 1918 г. Киев был оккупирован немцами, сумевшими водворить в юном украинском государстве настоящий порядок. Этому предшествовала целая череда всевозможных коллизий, затронувших каждого жителя некогда процветавшего края.

Революции 1917 года привели к невероятно быстрому росту национального самосознания украинского народа, они открыли для украинского движения, руководимого, в первую очередь, С. В. Петлюрой, М. С. Грушевским и В. К. Винниченко, новые перспективы¹. По сути своей движение это было отнюдь не антибольшевистским, а антирусским², т. к. в момент активизации своей деятельности оно пользовалось поддержкой немцев и австрийцев — врагов России в Великой войне, стремившихся к отделению Украины от России. В данном вопросе центральные державы и украинские националисты преследовали одинаковые цели. Проводившаяся Временным правительством политика «украинизации» тех боевых частей, в которых преобладали уроженцы Украины (например, 34-го корпуса, под командованием П. П. Скоропадского, по словам которого вождь российской контрреволюции генерал Л. Г. Корнилов «настойчиво» призывал к украинизации, в то время как генералы А. И. Деникин и С. Л. Марков были «чрезвычайно недовольны» ею)³, привела к обострению межнациональных отношений на фронте и к формированию шовинизма среди солдат и офицеров-украинцев. Задача повышения боеспособности в «национальных» украинских частях решена не была, несмотря на то что к концу 1917 г. украинизации были подвергнуты 17 пехотных дивизий, находившихся на 4 фронтах — Северном, Западном, Юго-Западном и Румынском⁴.

Пополнение, прибывавшее с тыла, было «до последней степени распропагандировано в большевистско-сепаратистском духе» и крайне вызывающе вело себя по отношению к русским, угрожая последним, что выбросят их «в два счета» из части,

¹ Мухутина И. В. Украинский вопрос в России (конец XIX — начало XX века). М., 2003. С. 243.

² Залесский П. И. Возмездие (Причины русской катастрофы). Берлин, 1925. С. 222.

³ Скоропадский П. Спогади. Кінець 1917 — Грудень 1918. Київ; Філадельфія, 1995. С. 70, 72. Политика «украинизации» частей началась в бытность Верховным Главнокомандующим генерала А. А. Брусилова, выступавшего в качестве сторонника этой меры Временного правительства (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003 (Ставка Верховного Главнокомандования). Оп. 2. Д. 1034. Письмо А. А. Брусилова военному министру А. Ф. Керенскому. 21 июня 1917 г. Л. 240–242).

⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1043. Л. 249. Список украинизируемых дивизий. Конец 1917 г. Подсчет автора.

сообщал в своей аналитической записке военный комиссар при 7-й армии⁵. В подобных частях в ответ даже стали возникать общества взаимопомощи великороссов, поскольку, как сообщалось в том же документе, «стало необходимым объединение великороссов ради защиты своих материальных и культурных интересов, которые уже нарушаются»⁶. В свою очередь проходивший в Киеве с 6 по 11 июня 1917 г. II Всеукраинский войсковой съезд нашел, что «Временное Российское правительство совершенно не понимает национальных отношений на Украине и не оценивает, как следует, большой организованной и стихийной силы пробудившейся украинской демократии». «Этим непониманием, — утверждал съезд, — систематическим отпором требованиям украинской демократии, Временное Центральное правительство обостряет национальные конфликты на Украине, мешает большой организационной работе украинского народа, чем вызывает анархическое настроение среди населения разных национальностей, на Украине живущих»⁷.

Лето-осень 1917 года — время, когда Украина все больше выходит из-под контроля правительства Керенского, требуя себе автономии, правда, все еще в составе России. Еще 4 марта 1917 г. в Киеве возникла Украинская Центральная Рада из представителей национальных и общественных организаций⁸. Рада, по словам занимавшего в 1917 г. должность командующего войсками Киевского военного округа полковника К. М. Оберучева, «сразу стала на какую-то исключительно-националистическую позицию...»⁹. Именно Рада становится рупором украинского движения, притом рупором, звучащим месяц от месяца все громче и громче. Среди министров Рады преобладали откровенные самостийники, но и они долгое время были вынуждены ограничиваться декларациями об автономии. Причина этому простая: в течение 1917 г. большая часть населения Украины все еще не желала отделения от России¹⁰. Населению же Рада запомнилась все усиливающимся беспорядком, отразившимся в первую очередь на качестве движения по железным дорогам¹¹. По словам киевского историка С. Машкевича, на месте старой имперской власти, «образовалось нечто, временами откровенно походившее на безвластие. С этого же момента Киев стал постепенно, мелкими шагами, уходить из-под влияния Петрограда...»¹².

Рубиконом стали октябрьские события в российской столице. Приход к власти большевиков фактически обнулил все существовавшие до этого между Киевом и Петроградом договоренности. События начали происходить с нарастающей быстротой.

⁵ Там же. Ф. 366 (Канцелярия военного министра). Оп. 2. Д. 233. Л. 18–18 об.

⁶ Там же. Л. 26.

⁷ Там же. Л. 34 об.

⁸ *Цветков В. Ж.* Белое дело в России. 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008. С. 237.

⁹ *Оберучев К.* В дни революции. Воспоминания участника Великой русской революции 1917-го года. New York, 1919. С. 99.

¹⁰ *Бондаренко Д. Я.* Взаимоотношения Временного Правительства и Украинской Центральной Рады. Одесса, 2004. С. 153.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5881 (Коллекция отдельных документов белоэмигрантов). Оп. 1. Д. 536. Л. 2. Воспоминания англичанки *Майи Хэли* о ее пребывании в Киеве в 1917–1919.

¹² *Машкевич С.* Два дня из истории Киева. К., 2010. С. 9.

Центральная Рада осудила Октябрьскую революцию и не признала правительства Ленина в качестве законной государственной власти. 7(20) ноября 1917 г. Рада издает III универсал, в котором провозглашалось создание Украинской Народной Республики, все еще в рамках России на правах ее федеративной части. Способствовать же созданию несуществующего федеративного государства, по мнению Рады, могла власть, выражением которой должно было стать правительство, состоящее из представителей различных социалистических партий — однородное социалистическое правительство. Олицетворением подобной власти Рада считала, конечно же, себя¹³. Подобная политика не могла не вызывать серьезное недовольство большевиков.

Расстановка социальных сил на Украине в чем-то напоминала общерусскую: пролетариат безоговорочно поддерживал большевиков, значительная часть фронтовиков — тоже; крестьяне же в первую очередь думали о земле, желая скорейшего отчуждения помещичьего фонда в свою пользу. Любые заминки в осуществлении «черного передела» могли привести к переходу поддержки крестьян от Центральной Рады к большевикам и наоборот, как сообщала аналитическая записка о положении на Украине, составленная немецким публицистом К. Россом на имя начальника операционного отделения германского Восточного фронта в марте 1918 г.¹⁴.

К концу года власть на Украине принадлежала Центральной Раде, состоявшей, по словам большевика Л. Д. Троцкого, из эсеров, меньшевиков и «им подобных предателей»¹⁵. Генеральный секретарь Рады по военным делам — С. В. Петлюра — стягивал все украинские войска в Киев, который стал, по выражению большевички Е. Б. Бош, «военной крепостью Центральной Рады и базой всех врагов Советской власти, начиная от белогвардейской офицерщины и кончая всеми социалистическими мелкобуржуазными партиями»¹⁶. Существование к октябрю 1917 г. власти Центральной Рады отсрочило, как выражался советский автор А. Золотарев, «украинский октябрь»¹⁷, большевизм дошел до Украины несколькими месяцами позже.

Тем временем в отношениях между Киевом и Петроградом зрел серьезный конфликт. В ответ на предложение Совнаркома прекратить разоружение красновардейских отрядов и пропустить советские войска на Дон для борьбы с А. М. Калединым украинские власти отреагировали отрицательно. В свою очередь Рада предъявила большевикам требование передать власть правительству, состоящему из представителей всех социалистических партий. Работавший с 11 декабря 1917 г. в Харькове I Всеукраинский съезд Советов высказался за организацию Советской власти, выделив из своего состава полновластный Центральный исполнительный комитет советов Украины, получивший сокращенное название ЦИКУК, или

¹³ Солдатенко В. Ф. Феномен Украинской революции // Российская история. 2009. № 1. С. 38.

¹⁴ Доклад начальнику операционного отделения германского Восточного фронта о положении дел на Украине в марте 1918 года // Архив русской революции. М., 1991. Т. I. С. 369.

¹⁵ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция. М., 1923. Т. I. Тысяча девятьсот восемнадцатый год. С. 89.

¹⁶ Бош Е. Год борьбы. М.; Л., 1925. С. 122.

¹⁷ Золотарев А. Из истории Центральной Украинской Рады. Харьков, 1922. С. 23.

ЦИКУКА. В ЦИКУК вошли большевики, левые эсеры и украинские левые социал-демократы; меньшевики голосовали против образования ЦИКУК, левые же эсеры, заявлявшие вначале, что будут воздерживаться от голосования, впоследствии вошли не только в ЦИКУК, но и в Народный Секретариат — Украинский Совнарком. Всего в состав ЦИКУК был избран 41 человек, наиболее известными среди них были большевики Артем (Ф. А. Сергеев), Е. Б. Бош, Л. Пятаков¹⁸. I Всеукраинский съезд Советов объявил Раду вне закона, а та, в свою очередь, 9 (22) января 1918 г. выпустила четвертый Универсал, провозгласившей полную независимость Украины¹⁹. Шла, как выразился современник, «бумажная война, война ультиматумами и посылкой взаимных предостережений и угроз»²⁰. Рада, как видим, пыталась разговаривать с Петроградом с позиции силы, которой на самом деле у нее не было. «Бумажная война» в той обстановке не могла не перерасти в войну самую что ни на есть настоящую, войну, в которой сторонники Петлюры были обречены на поражение. Противостоять вооруженному наступлению большевистских войск на Киев Петлюра не был в состоянии, тем более что на Украине происходил процесс непрерывной советизации, а вокруг петлюровского Киева постепенно сходилась революционное кольцо. К тому времени, по словам мемуариста, «Рада, лишенная опоры в широких слоях населения, настроившая против себя города — своей националистической политикой, деревню — боязнью разрешить земельный вопрос, солдат — продолжением войны, была уже властью призрачной»²¹. Весь конец 1917 г. Киев непрерывно митинговал. «Под вечер в будние дни и с утра до вечера в праздники на Думской площади, на Крещатике, на Владимирской улице, на базарах собираются буровато-черные толпы народа и с жаром говорят, говорят, говорят без конца, волнуясь и перебивая друг друга»²². Тем для обсуждения у киевлян было множество: дороговизна, бездарность правительства, отношения с Москвой... Как и всегда в такой ситуации, все упреки без конца обрушивались на власть, т. е. на Раду. Даже идеолог украинства и председатель Центральной Рады В. К. Винниченко признавал «необычайно острую антипатию народных масс по отношению к Центральной Раде». Владимира Кирилловича удивляло то, что с наибольшей ненавистью о Раде отзывались именно те, кто не мог даже говорить по-русски, а только по-украински. Они были, писал Винниченко, «не латышами и не русскими, а своими украинцами. С какой лютой ненавистью, с каким желанием мести они говорили про Центральную Раду, про Генеральных Секретарей

¹⁸ Эрде Д. Революция на Украине. От керенщины до немецкой оккупации. Харьков, 1927. С. 146. По инициативе Артема во второй половине января 1918 г. в Харькове прошло совещание, на котором было принято предложение об организации советской Донецко-Криворожской республики, председателем Совнаркома которой и председателем Совета Народного хозяйства был избран Артем. Донецко-Криворожская республика просуществовала до 10 апреля 1918 г., когда члены наркоматов вынуждены были оставить Харьков и отступить на Луганск (а затем дошли до Царицына) в связи с наступлением немцев (см.: Магидов Б. Организация Донецко-Криворожской республики и отступление из Харькова // Пять лет. Харьков, 1922. С. 65–67).

¹⁹ Провозглашение независимости Украины // Последние новости. Киев. 1918. 12 января.

²⁰ Бельговский К. Летопись (1 ноября 1917 г. — 17 февраля 1918 г.) // Малая Русь. Киев, 1918. Вып. 2. С. 6.

²¹ Сумский С. Одиннадцать переворотов // Революция на Украине. По мемуарам белых. К., 1990. С. 99.

²² Бельговский К. Указ. соч. С. 6.

и их политику»²³. С начала января волна недовольства Радой еще больше усилилась. В рабочих кварталах все больше и больше говорили о «буржуазной Раде», попытка же последней разоружить отряды киевской Красной Гвардии, привела к взрыву недовольства. В городе резко усилились большевистские настроения²⁴.

Гул из Петрограда докатился и до Украины, она созрела для большевизма. В Киеве в начале января 1918 г. возник штаб большевиков, в который вошли Н. С. Патлах, Вайдек, Поляков, Зюк. Задачей штаба было «как можно успешнее проводить работу по организации боевых дружин из рабочих»²⁵. Выступление большевиков ожидалось со дня на день. В поддержку большевиков в столице Украины была объявлена всеобщая забастовка, переросшая в почти поголовное восстание²⁶, в Киеве начали строиться баррикады, а на окраинах города стали снова возникать красногвардейские отряды. 15 января среди рабочих начало распространяться большевистское воззвание, призывавшее их к выступлению против Центральной Рады и генерального секретариата. По мнению Патлаха, горпартком был «неработоспособен», само выступление было «преждевременным, а в момент выступления руководство самим выступлением было довольно слабое»²⁷. Патлах вспоминал: «Можно смело сказать, что вся важнейшая работа проводилась работниками на местах. Кто как сумел организовать дело, так потом там и действовали. Мне, за несколько дней до выступления, в городском штабе обещали как оружие, так и командиров, а когда мы выступили, то получилось ничего. Все пришлось добывать своими силами — оружие, и командиров. Благодаря неустанной работе, как членов нелегального нашего штаба, так и всех наших членов небольшой группы большевиков к 15 января 1918 г. нам удалось завербовать в наш отряд около 100 человек, желающих по первому нашему зову пойти на борьбу за восстановление Советской власти. И вот 15 января 1918 г., в 12 часов ночи, по распоряжению Горпарткома было созвано совещание всех районных организаторов в помещении бывшего дворянского собрания, где должны были выявиться все наши силы. Из докладов было выяснено, что наших, вполне надежных сил, не так уж много, весь вопрос стоял в том, что в момент выступления сумеем ли мы повести за собой рабочих, так как находившиеся в Киеве воинские части, большинство из них было петлюровцы, а остальные держались нейтрально, а посему нам можно было рассчитывать только на рабочих. Главным и основным поводом к немедленному выступлению Киевского пролетариата послужили следующие обстоятельства: 15 января 1918 г., днем, по распоряжению Центральной рады, в Киевский арсенал явились гайдамаки для вывозки из арсенала всех готовых к употреблению орудий и других боевых припасов. Рабочие арсенала запротестовали и созвали общее собрание, на котором постановили, что орудия и другие боевые припасы из арсенала не выпускать. Закрыли ворота, а к ним еще присоединились понтонеры и полк Тараса Шевченко. И днем 15 января в арсенале уже завязалась волынка. Рабочие стали вооружаться и строить

²³ Винниченко В. Відродження нації. К., 2008. С. 338.

²⁴ Бельговский К. Указ. соч. С. 11.

²⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 70 (Истпарт). Оп. 3. Д. 727. Воспоминания Н. Патлаха. Л. 12.

²⁶ Рафес М. Два года революции на Украине (Эволюция и раскол «Бунда»). М., 1920. С. 78.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 727. Л. 13.

баррикады...»²⁸. На следующий день возле поста Волинского было обнаружено изувеченное тело лидера киевских военных большевиков Л. Пятакова, похищенного в ночь на 1 января неизвестным украинским отрядом. Теперь красногвардейцы присоединили к своим политическим лозунгам лозунг «Мсть за Пятакова»²⁹. Украинские военные власти во главе с командующим киевским военным округом полковником Шинкарем, оценив ситуацию, 16 января объявили Киев на военном положении. Одновременно произошла и перемена политического характера: вместо социал-демократического кабинета Винниченко возник эсеровский кабинет во главе с В. А. Голубовичем. Почему Голубович «попал в премьеры, даже при действительной бедности украинцев в людях — это один из секретов украинской политики», — писал осведомленный мемуарист С. Сумский, журналист газеты «Киевская мысль»³⁰. В самой Раде все было тоже неблагоприятно; произошел так называемый «взрыв Рады изнутри»: часть ее перешла на сторону большевиков, а члены Рады Богинский, Полозов, Михайличенко, Шумский, Ткаль, Овчаренко и Северо-Одоевские, имевший прежде отношения с большевиками, были арестованы особым комендантом города М. Ковенко³¹. Тем временем 16 января начались знаменитые бои за Арсенал, в течение пяти суток державший героическую оборону и сдавшийся после продолжительного артиллерийского обстрела правительственными войсками лишь к полудню 21 января. За это время киевляне уже начали привыкать к артиллерийской канонаде; Арсенал отвечал на бомбардировку: в итоге снаряды рвались на самых оживленных улицах Киева — Крещатике, Владимирской, Фундуклеевской... Всеобщее напряжение в городе усиливала и объявленная 17 января всеобщая забастовка. Остановился трамвай, в городе перестали выходить газеты, что привело к возникновению самых невероятных слухов. «Вся жизнь в городе замерла. Хлеб выпекался только для повстанцев под контролем стачечного комитета. Буржуазия почувствовала в эти дни, что пролетариат — единственный творец и двигатель жизни», — вспоминал советский комендант Киева Г. Гунько³². К 21 января перевес украинцев стал очевиден: Военно-революционный комитет большевиков постановил прекратить вооруженную борьбу; Арсенал пал; казалось бы, поле битвы безоговорочно осталось за Центральной Радой. Однако тут в игру вступила новая фигура: речь идет о пришедшей на помощь киевским большевикам группе войск под командованием М. А. Муравьева, одного из самых ярких и талантливых авантюристов времен Гражданской войны. Большую помощь большевикам в этой ситуации оказал бронепоезд, ставший на киевские железнодорожные пути со стороны станции Дарница и открывший по городу сильнейший орудийный огонь. Шла самая настоящая война между бывшими подданными бывшей Российской Империи. Борьба Совнаркома и Рады — на радость немцам, мир с которыми на тот момент еще не был подписан, — была очень ярко изображена в опубликованном в те дни в «Южной газете» стихотворении:

²⁸ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 727. Л. 13–14.

²⁹ Бельговский К. Указ. соч. С. 12.

³⁰ Сумский С. Одиннадцать переворотов // Революция на Украине. По мемуарам белых. К., 1990. С. 111.

³¹ Бельговский К. Указ. соч. С. 14–15.

³² РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 710. Л. 2.

У нас на русско-русском фронте
 Кипит суровый, страшный бой,
 А на немецком горизонте
 Просвет лазурно-голубой.
 Настали дни зело лихие
 И немец видеть очень рад,
 Как гибнет быстро мать Россия
 И как идет на брата брат³³.

Свой огонь большевики направили, главным образом, на Арсенал, на крепостную территорию, на Лавру, где шел рукопашный бой между войсками Рады и красными отрядами под командованием Д. П. Жлобы³⁴, и на здание Педагогического музея, т. е. на то место, где заседала Центральная Рада³⁵. 23 января Муравьев телеграфировал в СНК: «Революционные советские армии первая Егорова и вторая Берзина заняли часть Киева. Идет уличный бой защищаются главным образом офицеры, юнкера, белая и черносотенная гвардия. Войска Рады и вся мразь, на которую опирается Рада, проделывает ужасные зверства, безоружные рабочие расстреливались сотнями, всего расстреляно более полутора тысяч человек. Кровь несчастных требует возмездия и мщения, в чем повинна более всего украинская буржуазия, она должна понести жестокую кару. Наши враги держатся главным образом на Печерске и в западной части города. Революционные войска полны героизма»³⁶. Осада и артиллерийская бомбардировка города продолжалась 5 дней. Город обезлюдел, большинство жителей в те дни укрывалось от бомбежки в подвалах³⁷. Скопление народа наблюдалось лишь у городских хлебопекарен, где, как вспоминал очевидец событий журналист А. Филиппов, «длинные хвосты женщин и детей, ежась от ужаса при каждом новом разрыве снаряда, все-таки упорно дожидались получения по карточке фунта хлеба, с примесью гороха и еще чего-то, неудобоваримого...»³⁸.

25 января 1918 г. войска М. А. Муравьева овладели Киевом³⁹. Муравьев телеграфировал в СНК: «После пятидневных ожесточенных боев сегодня окончательно овладел городом и успел уже сформировать военно-революционный комитет. Прошу Вас убедительно прислать мне тысячу или две или сколько можете Красной гвардии, ибо понес большие потери. Миллионный город требует крупных

³³ Южная газета. Киев. 1918. 5 января.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 71 (Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Отдел истории КПСС). Оп. 33. Д. 487. Л. 6.

³⁵ Бельговский К. Указ. соч. С. 16–17.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 114. Л. 8.

³⁷ В бомбардировке участвовало до 30 легких и 10 тяжелых орудий, вспоминал видный красный командир В. М. Примаков (*Примаков В.* Борьба за Советскую власть на Украине // Сб. статей 1918–1923. М., 1923. С. 179). Некоторые киевляне, впрочем, сбрасывали на головы вступающим в город красногвардейцам кастрюли с кипятком (см.: Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 4000 (Институт истории партии при Ленинградском обкоме КПСС — филиал института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). Оп. 5. Д. 2334. Воспоминания красногвардейца Иванова. Л. 1).

³⁸ Филиппов А. Из прошлого // Русская газета. Париж. 1925. 22 февраля.

³⁹ Бош Е. Указ. соч. С. 134–135; Гражданская война в СССР. М., 1980. Т. I. С. 86.

сил для охраны. Верю, что исполните и не откажете в моей просьбе»⁴⁰. Одним из первых мероприятий Муравьева в городе было освобождение из заключения 500 киевских рабочих, «которые снова взяли за оружие»⁴¹. 30 января переехали в Киев Центральный Исполнительный Комитет Советов Украины и Народный Секретариат Украинской Рабоче-Крестьянской республики. Остатки петлюровских войск еще 25 января выдвинулись в направлении Житомира, куда также перебралась на автомобилях Центральная Рада и Рада Народных министров⁴², ставшая на короткое время очередным в истории «правительством в изгнании». Путь беглецам освещало зарево огромного пожара: это горел семиэтажный дом самого профессора М. С. Грушевского, одного из основоположников «самостийничества»⁴³. Еще одним объектом прицельного огня стал дом киевского богача Г. Богрова, отца убийцы российского премьера Петра Столыпина⁴⁴.

Журналист Д. Эрде (Райхштейн) вспоминал: «Кто раньше бывал в Киеве, с трудом узнавал его после январского обстрела с левого берега, — весь в рваных ранах, много пришлых, чуждых <...> Хлынули бежавшие, среди них бывшие министры, чиновники с ливрейной челядью, опытные воры, взломщики, крупная и мелкая уголовная шпана <...> Голодно, холодно. По талонам мало что отпускалось в те дни, опустели городские рынки, по пути застревали поезда с продовольствием из-за неисправности мостов, грузы расхищались. В глухих местах постреливали, должно быть вылавливали грабителей»⁴⁵. Вступившие в Киев большевики обложили местную буржуазию десятиллионной контрибуцией (полученные суммы пошли на обеспечение семейств рабочих и солдат, погибших при штурме города)⁴⁶ и начали жестокую расправу с оставшимися в Киеве петлюровцами и «черносотенными бандами»⁴⁷. Муравьев провозгласил, что красногвардеец должен «быть беспощадным» к врагам революции⁴⁸. Диапазон понимания принадлежности к «черносотенной банде» был для хозяйничавших в Киеве большевиков очень широк. Попасть под горячую руку представителям новой власти было проще простого. Киев, как вспоминал свидетель событий Н. Буторов, был «переполнен офицерством»⁴⁹. Красногвардейские патрули, обмотанные с головы до ног,

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 114. Л. 10.

⁴¹ Там же. Л. 9.

⁴² *Буддаков В. П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 579.

⁴³ *Бельговский К.* Указ. соч. С. 19; *Филитов А.* Из прошлого // Русская газета. Париж. 1925. 15 марта.

⁴⁴ *Михутина И.* Украинский Брестский мир. М., 2007. С. 225.

⁴⁵ Центральный государственный архив общественно-политических объединений Украины (ЦДАГО Украины). Ф. 59 (Коллекция воспоминаний участников революционного подполья, гражданской войны и Великой Отечественной войны, и социалистического строительства). Оп. 1. Д. 1571. Л. 99.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 114. Л. 5. Интересно отношение Ленина к практике контрибуции. Возражая одному из своих соратников, доказывавшего Владимиру Ильичу, «что не для того делали революцию, чтобы уподобляться кавказским разбойникам, которые берут в плен людей и требуют выкуп», лидер большевиков отвечал: «Согласитесь, есть маленькая разница: кавказские разбойники кладут выкуп себе в карман, а мы его берем для целей революции...» (см.: *Затонский В.* Водоворот // Семь лет. Харьков, 1924. С. 139).

⁴⁷ *Бош Е.* Указ. соч. С. 143.

⁴⁸ *Маргулис В.* Огненные годы. Берлин, 1923. С. 91.

⁴⁹ *Буторов Н.* Прожитое. 1905–1920. М., 2009. С. 86.

по особому шику того времени, пулеметными лентами⁵⁰, выискивали в городе людей, напомилавших по внешнему облику офицеров (иногда достаточно было даже пенсне)⁵¹, и уводили их в Мариинский парк, где немедленно расстреливали⁵², раздевая перед расстрелом до белья и отбирая в обязательном порядке сапоги и обручальные кольца⁵³. Зачастую большевики не удовлетворялись простым убийством, допуская еще, по свидетельству находившегося в те дни в Киеве будущего президента Чехословацкой республики Т. Г. Масарика, «варварское» и «бессмысленное» надругательство над трупами⁵⁴. Самым поразительным при творившейся вакханалии террора было то, что офицеры, переполнявшие город, мало того, что не сумели и не пожелали организовать никакого вооруженного сопротивления большевикам, но и не оказывали никакого сопротивления при аресте, безропотно идя на убой⁵⁵. В этом проявлялась, пожалуй, какая-то типически-русская интеллигентская черта. По словам кадета В. М. Левитского, «русская интеллигенция честно расплачивалась кровью за все свои ошибки и преступления»⁵⁶. Из-за расстрелов в городе была постоянно слышна трескотня выстрелов⁵⁷. Перед расстрелом происходил фарс, имитирующий судилище: арестованного вводили в комнату в Мариинском дворце, где помещался революционный трибунал. Комнату эту прозвали в народе «штабом Духонина»: именно из нее людей выводили на расстрел⁵⁸. По словам знаменитого политика, уроженца Киева и редактора газеты «Киевлянин» В. В. Шульгина, в те дни происходила «зверская расправа» большевиков с «Матерью Городов Русских»⁵⁹. По некоторым данным ими было

⁵⁰ Дом Русского Зарубежья Александра Солженицына (ДРЗ). Ф. 1 (Всероссийская мемуарная библиотека). Е-62. Записки офицера Б. Н. Машталера. Л. 25.

⁵¹ Там же. Ф. 1. А-89. Записки добровольца Г. В. Мороза. Л. 4.

⁵² *Гейден Д. Ф.* «Скоропадского я знал с малых лет» / Подготовка текста, предисловие и комментарии к. и. н. А. С. Пученкова // Исторический архив. 2012. № 2. С. 121; *Могилянский Н. М.* Трагедия Украины (Из пережитого в Киеве в 1918 году) // Архив русской революции. М., 1993. Т. 11. С. 77. Любопытно, что Рада также планировала репрессивные меры в отношении «черносотенного элемента». Командующий войсками Киевского военного округа атаман Н. И. Шинкарь собирался осуществить выселение из Киева лиц, поселившихся в городе после 1 января 1915 г. «Очистка Киева от наносных элементов жестко диктуется теперешним тревожным моментом». По распоряжению атамана решительная, как он выразился, «разгрузка Киева» должна была быть осуществлена в течение 14 дней (К предстоящему выселению из Киева // Последние новости. Киев. 1918. 8 января). В первую очередь эта мера должна была коснуться офицеров, в которых Рада, судя по всему, видела, враждебно настроенный по отношению к новой власти элемент. Украинский приказ обрекал тысячи русских офицеров на изгнание из Киева, создавая вместо упраздненной черты оседлости для евреев, черту изгнания для русских. Дискриминационная политика Рады в отношении русского офицерства обусловила нежелание офицеров защищать Раду от большевиков. Можно согласиться с одесским градоначальником генералом В. А. Мустафиным, утверждавшим, что украинское правительство держало себя «близоруко и бестактно» по отношению к офицерству, заполнившему после распада фронта города Украины, и «оттолкнуло офицерство также в стан своих врагов» (см.: ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 524. Л. 9).

⁵³ *Филитов А.* Из недавнего прошлого. «Духонина дача» // Русская газета. Париж. 1925. 8 марта.

⁵⁴ *Масарик Т. Г.* Мировая революция. Воспоминания. Прага, 1926. Т. 1. С. 198.

⁵⁵ ДРЗ. Ф. 1. А-94. Рукопись неизвестного автора. «Украина в 1917–1918 гг.» Л. 13.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 449. Л. 12.

⁵⁷ *Христин Я.* Українська революція в Чорноморській військовій флоті (Спогад учасника) // Військово-історичний альманах. 2003. № 2 (7). С. 156.

⁵⁸ «Штаб Духонина» // Последние новости. Киев. 1918. 2 марта.

⁵⁹ *Шульгин В.* 8 января // Новое время. Белград. 1924. 17 февраля.

убито от 2000 до 3000 офицеров⁶⁰. В своей книге «Три столицы» В. В. Шульгин написал: «Почти что разбойниками были те, кто в январе 1918 года одиннадцать суток долбили Киев снарядами всех калибров. Войдя в город, они расстреляли на улицах несколько тысяч людей из-за френчей, сапог и галифе...»⁶¹. Но расстреливали не только офицеров. Так, например, матросами был убит Киевский митрополит Владимир⁶², чем-то не угодивший новым хозяевам жизни. В свою очередь, советская власть в городе расценила убийство митрополита как «провокацию» и приписала смерть Владимира бандитам⁶³. На самом деле владыка был арестован «товарищами» прямо в Киево-Печерской Лавре, выведен за церковную ограду и расстрелян. Тело митрополита, уже мертвого, было все исколото штыками озверевших убийц; с покойного были сняты белье, чулки и все ценные вещи⁶⁴. Панагию и бриллиантовый крест с белого клобука митрополита уже на следующий день, по слухам, продавали на одном из киевских базаров⁶⁵. Однако, помимо бессудных расстрелов и убийств, в те дни царил и террор, если так можно выразиться, легальный.

Так, большое количество арестованных томилось в те дни в Лукьяновской тюрьме. По признанию руководившей в те дни террором Е. Б. Бош, сил на поддержание порядка (вопрос в том, как его понимала Евгения Богдановна) у большевиков не хватало. Значительная часть Красной гвардии держала фронт против отступивших на Житомир петлюровцев. «И вследствие этого не только не удавалось поддерживать порядок в городе, но и арестованные охранялись слабо. В Лукьяновской тюрьме пришлось оставить весь караул и персонал старый, назначив только своего комиссара, который оказывался совершенно бессильным что-либо предпринять, и арестованные контрреволюционеры и бандиты чуть ли не в тот же день исчезали из-под ареста», — сожалела в своих воспоминаниях Евгения Бош⁶⁶. Между Бош и Муравьевым периодически происходили столкновения, т. к. последний держал себя очень независимо, и зачастую игнорировал распоряжения Советской власти. По словам старого большевика М. Майорова, местным партийным кадрам «пришлось разочароваться в Муравьевской армии. Командный состав состоял в большинстве из проходимцев, вроде Ремнева и Сиверса второго (которого не следует смешивать с Сиверсом — нашим

⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 536. Л. 3; ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 524. Воспоминания одесского градоначальника генерала *В. А. Мустафина*. Л. 25. Некогда сотрудничавший с ВЧК, а затем — участник Белого движения, анархист полковник А. И. Эрдман (Бирзе) в письме Ф. Э. Дзержинскому от 28 августа 1924 г. писал о Муравьеве: «За ним ведь шли все матросы Балтийского флота. Ведь эта свора с Муравьевым во главе и вырезала в Киеве и Одессе 10000 офицеров, не говоря о свержении Керенского...» (см.: К истории ВЧК: Письмо А. И. Эрдымана (Бирзе) Ф. Э. Дзержинскому / Вводная статья, подготовка текста и комментарии *А. И. Колпакиди* // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. 1996. Кн. 6. С. 189).

⁶¹ Шульгин В. В. Трест (история возникновения книги «Три столицы») // Три столицы. М., 1991. С. 390.

⁶² Гейден Д. Ф. «Скоропадского я знал с малых лет» // Исторический архив. 2012. № 2. С. 121; ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 789. Л. 3. Дневник генерала *А. А. Павлова*; *Евлогий (Георгиевский), митрополит*. Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994. С. 286; *Бяратинская М.* Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. 1870–1918. М., 2006. С. 316.

⁶³ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 710. Л. 6.

⁶⁴ *Савенко А. И.* Мученическая кончина Митрополита Владимира // Малая Русь. Киев, 1918. Вып. 2. С. 169.

⁶⁵ Воспоминания товарища Обер-Прокурора Св. Синода князя *Н. Д. Жевахова*. СПб., 2008. С. 506.

⁶⁶ *Бош Е.* Указ. соч. С. 143–144.

товарищем). По вступлении Муравьева в Киев он назначил своего коменданта, который обращал мало внимания на то, что делают братишки Муравьева. Никакой местной власти они признавать не хотели и творили разные безобразия⁶⁷. По словам журналиста Д. Эрде, «полковника Муравьева в Киеве вскоре удалось убрать, уж больно надоел со своими замашками диктатора и самодура, — он отбыл на румынский фронт. Но кого же взамен? Задача не из легких. Нет-нет, а вспоминали, что Муравьев не без военного таланта, с твердой рукой и храбрости ему не занимать...»⁶⁸. Последующая судьба Муравьева, бывшего офицера Императорской армии, глубоко показательна для понимания того, какую трагедию представляла Гражданская война. Жить Муравьеву оставалось всего несколько месяцев. В том же 1918 г. он застрелился при неудачной попытке мятежа против советской власти⁶⁹. Ленин охарактеризовал выступление Муравьева одним словом — «измена»⁷⁰, эта оценка, в принципе, и определила последующее место мятежного главкома в советской истории.

Как ни оценивать деятельность Муравьева, нельзя не признать, что с гибелью Михаила Артемьевича большевики потеряли способного военного деятеля, который, как писал Емельян Ярославский, «может быть, вопреки своему сознанию, <...> действовал в последние минуты своей жизни, как изменник и враг народа» и пал жертвой провокации⁷¹. А Иона Якир вспоминал о Муравьеве, как о хорошем ораторе, «большом демагоге», утверждая, что «предателем он сделался позже»⁷². Непосредственный начальник Муравьева, В. А. Антонов-Овсеенко, писал позднее о «политической наивности» и «упрямстве» Муравьева, отмечая, впрочем, «бешеную энергию» покойного на занимаемых им постах, но упрекая своего бывшего подчиненного за излишнюю «жестокость» и нежелание подчиняться приказам вышестоящего начальства, т. е. самого Антонова-Овсеенко⁷³. Объективно говоря, Муравьев все-таки вносил какое-то организационное начало в красногвардейские отряды, действовавшие как на киевском направлении, так и в самом Киеве. Что же касается «большевизма» Муравьева, то он, вероятно, может быть поставлен под сомнение. Вряд ли, полностью выдуман эпизод из воспоминаний атамана Забайкальского казачьего войска Г. М. Семенова, по словам которого, Муравьев летом 1917 г. воспринимал в качестве врагов революционной России не только Временное правительство, но и верхушку совдепов. При этом Муравьев, как вспоминал Семенов, призывал будущего атамана не торопиться с попыткой *coup d'état* и расстрелом совдепов: «Подождем лучше, — говорил Михаил Артемьевич, — пока большевики не повесят все Временное правительство, а мы с вами потом вешать будем

⁶⁷ Майоров М. Из истории революционной борьбы на Украине (1914–1919). К., 1922. С. 74.

⁶⁸ ЦДАГО Украины. Ф. 59. Оп. 1. Д. 1571. Записки журналиста Д. Эрде. Л. 109. Председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский писал о Муравьеве 5 мая 1918 г.: «Грабежи и насилия — это была его сознательная военная тактика, которая, давая нам мимолетный успех, несла в результате поражение и позор» (см.: Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК — ОГПУ. 1917–1926 / Сост.: А. А. Плеханов, А. М. Плеханов. М., 2007. С. 45).

⁶⁹ Измена Муравьева // Известия ВЦИК. 1918. 12 июля. Подробнее см.: Стариков С. В. Казанские и симбирские левые эсеры, большевики и главком М. А. Муравьев в июльских событиях 1918 г. // Проблемы новейшей истории России: Сборник статей к 70-летию со дня рождения Г. Л. Соболева. СПб., 2005. С. 213–235.

⁷⁰ Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2000. С. 271.

⁷¹ Ярославский Е. Жертва провокации // Правда. 1918. 12 июля.

⁷² Якир И. Десять лет тому назад. Харьков, 1928. С. 10.

⁷³ Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне. М., 1923. Т. 1. С. 84–86, 158–159.

большевиков»⁷⁴. Сложно поверить, что за прошедшие с момента беседы с Семеновым полгода Муравьев стал идейным большевиком. Скорее, революционный хаос и развал выплеснул наружу скрытую разрушительную энергию бывшего царского офицера, увидевшего именно в сотрудничестве с большевистским режимом возможность сделать фантастическую карьеру. Возможно, что Муравьев уже видел себя в роли «спасителя Отечества» и мечтал о славе, сродни наполеоновской. Однако, как писал тот же Семенов, наряду с наличием несомненных способностей, Муравьеву все-таки «не хватало решительности, чтобы сыграть роль российского Бонапарта, к которой он себя, безусловно, готовил с самого начала революции»⁷⁵. Впрочем, как справедливо говорил следователь Порфирий Петрович в «Преступлении и наказании» Достоевского, «кто ж у нас на Руси себя Наполеоном теперь не считает?»⁷⁶ Безвременье вынесло на гребень волны еще немало таких «Бонапартов» — каждый из них до своего окончательного банкротства успел внести свою кровавую лепту в трагедию Гражданской войны.

Вспоминая большевистское владычество над Киевом, комендант города Г. Гунько писал: «Мне не так жаль погибавших товарищей, не столько жалко наших жертв, как того, что мы в то время были недостаточно жестоки в отношении врага <...> Примером ошибок этой слабости может служить следующее: согласно предложения из Ревкома, переданному через Чудновского, предложения отобравши подписку от Драгомирова, выпустить его под поручительство, что приказом Муравьев и провел...»⁷⁷. Однако, не всем так повезло, как генералу А. М. Драгомирову.

Число жертв красного террора в Киеве в январе-феврале 1918 года сосчитать очень трудно. Три недели держалась Советская власть на Украине. Ее первые шаги, что признавал даже такой осторожный в оценках мемуарист, как бундовец М. Рафес, не могли «привлечь симпатий даже у сторонников Советской власти <...> Стихийная борьба против всего украинского, за которым чудилась Ц. Р. [Центральная Рада. — А. П.], эксцессы первых дней [так деликатно Рафес назвал террор. — А. П.], отсутствие уважения к органу местной власти — Совету рабочих депутатов, — все это были моменты, дававшие пищу критике». Подытоживая свои наблюдения, Рафес писал о том, что мероприятия Советской власти на Украине в январе-феврале 1918 года не могли свидетельствовать «о наличности у руководителей [Советской власти на Украине. — А. П.] большого плана»⁷⁸. Плана действительно никакого не было, пребывание большевиков на Украине свелось лишь к демонстрации разнужданной силы и к проявлению массового беззакония. Вдумчивый мемуарист А. Гольденвейзер оставил, как кажется, любопытную зарисовку, посвященную первому пребыванию большевиков на Украине: «Они пробыли тогда в Киеве всего три недели, и тот первый лик большевизма, который мы увидели за это короткое

⁷⁴ Семенов Г. М. О себе: Воспоминания, мысли и выводы. М., 2002. С. 85.

⁷⁵ Там же. С. 86.

⁷⁶ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. Калининград, 1969. С. 260.

⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 710. Л. 5. «18-й год кошмарен элементом анархизма, как главным врагом против нашей организованности в строгой диктатуре пролетариата. Не только анархисты, как таковые, но и глубоко анархическое настроение масс захватило кочевые элементы государства. Киев, и без того контрреволюционный, был наводнен бандами... не имеющих задерживающих центров, внутренних причин» — писал Гунько (Там же. Л. 5).

⁷⁸ Рафес М. Указ. соч. С. 81–82.

время, не был лишен красочности и своеобразной демонической силы. Если теперь ретроспективно сравнить это первое впечатление со всеми последующими, то в нем ярче всего выступают черты удалства, подъема смелости и какой-то жестокой непреклонности. Это был именно тот большевизм, художественное воплощение которого дал в своей поэме “Двенадцать” Александр Блок. Последующие навыки и опыты подмешали к большевистской пугачевщине черты фарисейства, рутины и всяческой фальши. Но тогда, в феврале 1918 г., она предстала пред нами еще во всей своей молодой непосредственности»⁷⁹.

§2. Австро-германская оккупация Украины. Василий Витальевич Шульгин. Гетманский переворот. Павел Петрович Скоропадский

«Мир и успокоение на Украине»⁸⁰, обещанные лидерами большевиков в результате ликвидации Рады и замены ее Советской властью, не наступили. Украина переживала сильнейший политический кризис. Власти как таковой население не видело, налицо была только вседозволенность новых правителей. Как следствие, многие обыватели, зажиточные горожане и «бывшие», т. е. представители сливок общества старой России, уже начинали грезить приходом немцев, которые смогли бы, как им казалось, обеспечить на Украине хоть какой-либо порядок.

Как вспоминал советский партийный деятель М. Майоров, «власть в Киеве не успела еще хорошо наладить свой аппарат, как снова нависли грозные тучи над многострадальным Киевом. Ходили слухи, что снова будут в Киеве происходить бои. Так говорили на базарах и на улицах. Вскоре военное командование приступило к обороне Киева. Была совершена та крупная ошибка, что Советские войска не бросились преследовать Центральную Раду дальше Киева, а ограничились только тем, что ее выгнали из Киева. Там она снова привела в порядок свои силы, да кроме того Рада была уже не одна. Она, в качестве проводника, только показывала дорогу немцам...»⁸¹.

Решением Рады в Брест-Литовск, где уже полным ходом шли переговоры советской делегации с представителями Центральных держав, была направлена украинская делегация. Председательствующий на переговорах фон Кюльман умело включил Украину в переговорный процесс, увидя в никому не известном государстве дополнительный ресурс давления на большевиков, с одной стороны, а с другой — источник неограниченных продовольственных и сырьевых ресурсов. По словам капитана Ж. Садуля, служившего атташе при французской военной миссии в Петрограде, советские лидеры Ленин и Троцкий предполагали, что Украина может пожелать сыграть самостоятельную партию в Брестских переговорах и прямо говорили ему об этом. Тем не менее, и Ленин, и Троцкий, а — с их слов — Садуль воспринимали поступок украинцев как предательство⁸². Троцкий позднее с презрением писал об украинской делегации: «нужно было видеть, как они вилили

⁷⁹ Гольденвейзер А. А. Из Киевских воспоминаний // Архив русской революции. М., 1991. Т. V. С. 205.

⁸⁰ Сталин И. В. О Киевской буржуазной Раде // Сочинения. М., 1947. Т. IV. С. 29.

⁸¹ Майоров М. Указ. соч. С. 75.

⁸² Садуль Ж. Записки о большевистской революции. 1917–1919. М., 1990. С. 177–178.

перед теми [Делегациями Германии и Австро-Венгрии. — *А. П.*], как помахивали хвостами, как заглядывали подобострастно и любовно в глаза своим новым господам и с каким высокомерным торжеством глядели на нас, изолированных представителей пролетариата, на этих Брест-литовских заседаниях!»⁸³. Немцы, а также делегаты Австро-Венгрии, Болгарии и Турции заключили с Украиной 27 января (9 февраля) 1918 г. мирный договор, текст которого не был в то время полностью опубликован, вероятно, исходя из военных и политических соображений. Основой для соглашения было обязательство украинской стороны поставлять для Германии и Австро-Венгрии сырье и продукты в необходимых количествах, в противном случае договор не был бы ратифицирован державами четверного союза, о чем определенно заявил посланник фон Визнер⁸⁴. Для точного выяснения всех запасов украинского продовольствия назначалась особая германская комиссия. Эта же комиссия должна была определить размер военной и технической помощи, требуемой для Украины⁸⁵. В свою очередь Германия и Австро-Венгрия секретным соглашением брали на себя обязательство очистить Украину от большевиков, причем с просьбой об этом к Центральным державам обратилась сама украинская делегация. Соответствующие переговоры прошли 18 февраля 1918 года⁸⁶. В характерной для «сталинского» периода развития советской историографии книге А. В. Лихолата⁸⁷ говорилось о том, что за «обещанную помощь в свержении советской власти и восстановлении буржуазно-помещичьих порядков на Украине подлые изменники украинского народа — буржуазные националисты — продали Украину в колониальное рабство австро-германским империалистам...»⁸⁸. 18 февраля началось немецкое наступление одновременно по всей линии фронта. Не встречая практически никакого сопротивления со стороны красногвардейских отрядов, немцы с крейсерской скоростью подошли к столице Украины, откуда вечером 27 февраля эвакуировался ЦИКУК, пробыв, таким образом, в Киеве всего 19 дней. В Москве заговорили о «странных обстоятельствах», при которых был оставлен Киев. Украинские советские деятели позднее признавали, что в их деятельности имели место «промахи», т. е. «нераспорядительность военных властей, отсутствие должной

⁸³ *Троцкий Л.* Между империализмом и революцией. Основные вопросы революции на частном примере Грузии. М., 1922. С. 35.

⁸⁴ Освободительная война украинского народа против немецких оккупантов. Киев, 1937. С. 15–16; Михутина И. Украинский Брестский мир... С. 224.

⁸⁵ *Фокке Д. Г.* На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров) // Архив русской революции. М., 1993. Т. XX. С. 197–198.

⁸⁶ Освободительная война украинского народа против немецких оккупантов... С. 16–17.

⁸⁷ «Это была мрачная фигура — заместитель заведующего отделом науки ЦК. Небольшого роста, невзрачный, с каким-то кривым лицом, блондинистыми, редкими волосами, коротко подстриженными так, что видно было на затылке две макушки, этот человек был каким-то сгустком мракобесия», — такую характеристику А. В. Лихолата оставил в своих воспоминаниях советский археолог и этнограф М. Г. Рабинович (см.: *Рабинович М. Г.* Записки советского интеллектуала. М., 2005. С. 251).

⁸⁸ *Лихолат А. В.* Разгром националистической контрреволюции на Украине (1917–1922 гг.). М., 1954. С. 86. О полемике, развернувшейся в период хрущевской оттепели, вокруг книги А. В. Лихолата см.: *Ганелин Р. Ш.* XX съезд КПСС и освещение советскими историками отношений между РСФСР и Украиной во время Гражданской войны // «Украинский вопрос» и революционные события в России 1917 года. Материалы международной научно-теоретической конференции 3–4 октября 2005 года. СПб., 2006. С. 6–12.

связи на фронте, абсолютное незнание противника, растерянность...»⁸⁹. Из Киева ЦИКУК прибыл в Полтаву⁹⁰. Власти РСФСР после подписания Брестского договора отзывали свои войска с территории Украины. Комментируя на партийных прениях перед подписанием договора позицию Советской России в отношении Украины, Ленин заявил, если верить очевидице событий Т. Ступоченко, следующее: «Из Украины войска отзовем по договору, только... там сам черт не разберет, где украинские войска, где русские. Очень возможно, что там вообще уже «русских войск» нет, а есть одна украинская армия...»⁹¹.

Украинская армия и вступила в Киев 1 марта 1918 г. Самостийники вошли в город первыми, перед немцами, — это должно было свидетельствовать об «освобождении» Киева украинцами от «русских» большевиков. За ними, на следующий день, 2 марта, в Киев вступили немцы, первым делом приказавшие вычистить невероятно загаженный за время владычества большевиков городской вокзал⁹². «Немцы пришли с реформами. Они начали реформы с вокзала. Тридцать нанятых германским командованием баб три дня кряду скребли, мыли и чистили темный, грязный, испакощенный киевский вокзал», — так запечатлел в одной из своих работ эти события знаменитый советский публицист М. Кольцов⁹³. Началась германская оккупация Украины, хотя и произошедшая как бы по приглашению национально-правительству, униженно благодарившего за это оккупантов⁹⁴. Но иллюзий в отношении того, чем занимались немцы на Украине, не было ни у кого — ни тогда, ни сейчас. То, что немцы были оккупантами, преследовавшими на Украине свои конкретные цели, и не имели ничего общего ни с украинским народом, ни с украинской государственностью, признают и современные украинские историки⁹⁵.

В 1918 году имя В. В. Шульгина в Киеве было сверхпопулярно. Его «Киевлянин» поднимал самые острые вопросы тогдашней политики, благодаря чему газета находилась под постоянной угрозой закрытия. Смелость Шульгина, его активная и непреклонная гражданская позиция вызывали уважение и у друзей, и у врагов. Понятное дело, что «социалистоед», как аттестовала его известная кадетская деятельница Ариадна Тыркова-Вильямс⁹⁶, Шульгин не принял Октябрьской революции и прихода к власти большевиков, которых он воспринимал как врагов исторической русской государственности. Для Шульгина в тот момент было очевидно, что его личное участие в гражданской войне неизбежно, ибо «как же иначе можно было спасти

⁸⁹ Эрде Д. Указ. соч. С. 197.

⁹⁰ Там же. С. 221.

⁹¹ Ступоченко Т. В Брестские дни (Воспоминания очевидца). М., 1926. С. 25.

⁹² Могиланский Н. М. Трагедия Украины (Из пережитого в Киеве в 1918 году) // Архив русской революции. М., 1993. Т. 11. С. 82; Волошин А. На немецкой Украине. Отрывки воспоминаний // Новое русское слово. Нью-Йорк. 1940. 16 сентября.

⁹³ Кольцов М. Петлюровщина. Пб., 1921. С. 10.

⁹⁴ Освободительная война украинского народа против немецких оккупантов... С. 21. По словам Троцкого, «Украина стала австро-германской колонией» (Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 387). В свою очередь, Л. М. Каганович в своих воспоминаниях говорил о том, что «предатели-националисты» оказали активную помощь «немецким империалистам» в захвате Украины (см.: Каганович Л. М. Памятные записки. М., 2003. С. 200).

⁹⁵ Тинченко Я. Перша українсько-більшовицька війна (Грудень 1917 — Березень 1918). К.; Львів, 1996. С. 354; Солдатенко В. Ф. Гражданская война в Украине. 1917—1920 гг. М., 2012. С. 169.

⁹⁶ Тыркова-Вильямс А. В. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 473.

Россию?»⁹⁷. Уже 26 октября 1917 г. Шульгин писал в «Киевлянине»: «Немезида быстро свершила свое дело. Керенский ровно через два месяца расплатился за Корнилова. Он объявил изменником Родины человека, преданного ей до последней капли крови и за это, может статься, уступит власть избличенному немецкому агенту [в течение всей русской революции Шульгин полагал, что большевизм есть порождение германизма, а Ленин — платный агент германского Генерального Штаба. — *А. П.*], с которым только Корнилов и мог справиться. Мы убеждены, что вся здоровая часть России не признает германского назначения. Мы убеждены, что если в Петрограде будет немецкое правительство, то где-то образуется — *русское* [выделено нами. — *А. П.*]. Когда оно народится, это русское правительство — оно будет поддержано всеми, кто еще не разучился понимать, что такое Родина»⁹⁸. Прообразом нарождающейся русской власти Шульгину представлялась «Алексеевская организация». Шульгин стал 29-м членом «Алексеевской организации», поступив в нее на правах военнослужащего и взяв обязательство исполнять приказания генерала М. В. Алексеева. «Алексеевская организация» уже в декабре 1917 г. была переименована в Добровольческую армию — будущую главную антисоветскую силу на Юге России. Однако, в ближайшие месяцы местом пребывания Шульгина был именно Киев, а не Екатеринодар и Одесса — эти этапы его жизни будут несколько позже.

Как мы уже писали, в начале 1918 г. Киев захватили большевики, при этом город подвергся осаде красногвардейских частей под командованием бывшего офицера царской армии Муравьева⁹⁹. Киев подвергся ожесточенному обстрелу из тяжелых артиллерийских орудий: запуганный обыватель прятался по подвалам. Вступившие в город большевики проводили политику террора против офицеров и буржуазных деятелей. Начались массовые расстрелы не только офицеров, но и прочих категорий «буржуев»¹⁰⁰. При этом местными властями 26 января был арестован и В. В. Шульгин, которого арестовал А. Амханицкий, одноклассник по Первой Киевской гимназии известного советского историка Н. П. Полетика. Арестованный Шульгин 10 дней находился под стражей в Мариинском дворце, откуда был переведен, как вспоминала его первая жена Е. Г. Шульгина, в Лукьяновскую тюрьму¹⁰¹. Сразу, по горячим следам, Шульгин опубликовал заметку-воспоминание, в которой есть такие строки: «Сижу в тюрьме. Этого надо было ожидать. В революционное время всякий политический деятель должен быть готов к этому. И даже более того: всякий, кто ограничился этим, — должен смотреть на себя, как на человека, вытнувшего счастливый билет из жизненной лотереи»¹⁰². В первые дни пребывания под стражей

⁹⁷ Соколов Е. У Шульгина во Владимире // Посев. Франкфурт-на-Майне. Июль 1981. № 6. С. 29. Своей второй жене Марии Дмитриевне Шульгиной (урожденной Сидельниковой) В. В. Шульгин так объяснял причину возникновения гражданской войны: «Очевидно нам не нравилось, что у нас не средние века. Мы сто лет делали революцию... Теперь добились: царит средневековье... Теперь семьи вырезаются до пня... И брат отвечает за брата...» (ГАРФ. Ф. Р-5974 (Шульгины). Оп. 1. Д. 238. Л. 109).

⁹⁸ Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1917. 26 октября (Статья писалась 25 октября, когда в Киев пришли первые слухи о захвате власти большевиками. — *А. П.*).

⁹⁹ См. приложение 1.

¹⁰⁰ Стефанович П. Первые жертвы большевистского массового террора (Киев — январь 1918 года) // 1918 год на Украине. М., 2001. С. 25.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. Р-5974 (Шульгины). Оп. 2. Д. 11 а. Л. 170.

¹⁰² Шульгин В. Дворец и тюрьма // Малая Русь. Киев, 1918. Вып. 2. С. 34.

Шульгина содержали в приспособленном под камеру огромном помещении нестерпимо загаженного революционной стихией Мариинского дворца, в котором находилось несколько сот заключенных, по большей части офицеров. Условия содержания были невыносимы; спать приходилось прямо на голом полу, без матраца и подушки. Поэтому Шульгин радовался, когда его перевели в Лукьяновскую тюрьму, поскольку в тюрьме — учреждении сугубо старорежимном — должен был сохраняться хотя бы минимальный порядок и удобства. Очутившись в камере Лукьяновской тюрьмы, в которой у каждого заключенного была отдельная койка и чистый матрац с подушкой, а «политические» были отделены от «уголовных», Шульгин сформулировал собственный афоризм: «великое завоевание революции состоит в том, что она дворцы сделала тюрьмами, а тюрьмы дворцами»¹⁰³. В своей камере в Лукьяновской тюрьме на раме окна Василий Витальевич обнаружил вырезанную надпись «В. Винниченко»¹⁰⁴. Получилось, что монархист и противник «украинства» Шульгин «унаследовал» камеру у одного из вождей «самостийничества». Пробыв в заключении пятнадцать дней, 10 (23) февраля 1918 г. В. В. Шульгин был отпущен на свободу, дав представителю советской власти обещание явиться к большевикам по первому их требованию¹⁰⁵. В беседе с писателем В. М. Сидоровым Шульгин вспоминал подробности своего освобождения: «Оказывается, комиссары из ЧК решили проделать со мной своеобразный эксперимент. Говорят: “Мы вас отпустим, гражданин Шульгин, но при одном условии”. — “Какое?” — спрашиваю я. “По первому требованию вы к нам явитесь”. Я попросил уточнить: “Что значит, к вам? К кому именно?” — “Мы — это идея советской власти”. После второго уточнения договорились, что я явлюсь, если меня потребуют, когда советская власть опять вернется в Киев. Но самое удивительное, — говорил Шульгин, — что меня так никто и не потребовал. А я б явился, если б напомнили о моем обещании, хоть из Парижа, хоть через двадцать, хоть через сорок лет»¹⁰⁶.

По словам киевского партийного деятеля, М. Майорова, «это [освобождение В. В. Шульгина. — А. П.] было крупнейшей ошибкой со стороны тех товарищей,

¹⁰³ Шульгин В. Дворец и тюрьма... С. 77–78. Свое пребывание в камере Лукьяновской тюрьмы Шульгин описал со свойственной ему иронией: «Когда я очутился в этой маленькой комнате, то ощутил истинное (и да не подумают, что это преувеличение), истинное блаженство. Отдельная койка с матрацем, хотя и плохоньким и грязным (через несколько часов его переменили на совсем чистый), и некоторое подобие подушки. Это после десяти дней спанья на вечно захарканном полу представлялось роскошью неслыханной. Те, кто не привык к совместной жизни коммунистического склада, те, кто, подобно мне, почти всю жизнь провели при том условии, что у них была своя личная комната, где они могли оставаться известную часть времени в покое, быть может, поймут, что значит, жить день и ночь на людях, хотя бы и в столь очаровательном обществе, какое окружало нас во дворце. Отдельная комната! Мы даже не подозреваем, какая это величайшая роскошь, которой мы пользуемся в обыденное время постоянно. Мы не имеем никакого представления о том, какое блаженство представляет этот буржуазно-индивидуалистический строй, по сравнению с той коммуной, которую готовят нам социалисты, когда у нас все будет общее. Что касается меня, то я определенно говорю: одиночное заключение в Лукьяновской тюрьме, предпочитаю свободной коммуне даже в том случае, если бы не приходилось спать на захарканном холодном полу. Поэтому, если когда-нибудь у нас будет коммуна, я буду определенно «призывать к ниспровержению существующего строя», хотя бы для того, чтобы меня посадили в одиночную камеру» (Там же. С. 77).

¹⁰⁴ Шульгин В. Открытое письмо // КиевлЯнин. 1918. 25 февраля.

¹⁰⁵ Шульгин В. В. 1917–1919 / Предисловие и публикация Р. Г. Красюкова; комментарии Б. И. Колодницкого // Лица: Историко-биографический альманах. 1994. № 5. С. 200.

¹⁰⁶ Сидоров В. М. Непадшее человечество. М., 2001. С. 254.

которые считали возможным его выпустить на свободу»¹⁰⁷. Действительно, освобождение Шульгина можно считать счастливой случайностью: для политического деятеля его уровня и с его общеизвестными убеждениями вероятность быть расстрелянным советскими властями была очень велика. Княгиня Е. Н. Сайн-Витгенштейн писала в своем дневнике 4 февраля 1918 г., в дни, когда Шульгин находился в советской тюрьме: «Я боюсь, не случилось ли что-нибудь дурного с Шульгиным. Если бы меня кто-нибудь спросил: кто был человек, которому я больше всего симпатизирую, я бы сказала: Василию Витальевичу Шульгину. Это единственный человек, который за это время решался громко протестовать и осуждать то, что творится: чуть ли не каждый день в его “Киевлянин” появлялись статьи, подписанные полным его именем, содержащие самые горькие истины <...> Вот поэтому большевики постараются сделать все возможное, чтобы уничтожить Шульгина. Его “Киевлянин”, конечно, закрыт и разгромлен, но это случалось уже несколько раз за это время. Был бы жив только сам Шульгин, а он уже сумеет так или иначе что-нибудь сделать для России»¹⁰⁸. В «новогодней» передовице Шульгина, датированной 31 декабря 1917 г. и опубликованной в номере «Киевлянина» от 1 января 1918 г., Василий Витальевич писал: «Если мы действительно стали *рабым племенем* [курсив В. В. Шульгина. — А. П.] и жаждем немцев, потому что «порядка у нас нет», то туда нам и дорога. Рабы должны быть рабами, и должно скорбеть не о том, что погибла Россия, а о том, что она тысячу лет была, ибо это, очевидно, произошло по какому-то недоразумению. Но если не перевелось сильное племя, жившее по берегам реки Роси и занявшее потом шестую часть света, если существует аристократия ума, воли и национальной гордости, она сумеет навести порядок без немцев, сумеет заставить народные массы верить себе, сумеет объяснить им, в чем спасение, и соединить сто семьдесят миллионов царьков в мощный человеческий поток, *выполняющий единое задание* [курсив В. В. Шульгина. — А. П.]...»¹⁰⁹. Шульгин надеялся на то, что русский народ возродится и сумеет воссоздать свою погибшую государственность, осознав то, что «мы рабы только потому, что наглотались ядовитой “ханжи”, которую нам преподнесли под именем “свободы”»¹¹⁰.

Подобно всем киевлянам, Шульгин с тревогой и недоумением следил за происходившим наступлением кайзеровских войск на Киев. Широкую известность получил дневник Шульгина, который Василий Витальевич вел в последние дни

¹⁰⁷ Майоров М. Указ. соч. С. 75. В своих воспоминаниях известный журналист Д. Эрде написал по поводу этого высказывания Майорова следующее: «Однажды в редакцию [«Вестника Украинской народной республики» — А. П.] заглянул “сам” М. Майоров, который руководил тогда комиссией, еще не называвшейся “Чрезвычайной”, но с теми же функциями и задачами. В Киеве ходили слухи о его “жестокости” и “массовых расправах”, как в Харькове об Антонове-Овсеенко, но Майоров позже вспоминал, что “дело обстояло не так, как говорили” <...> Утверждали, будто в комиссии Майорова “расстреливали направо и налево”. На самом же деле “большинство арестованных было выпущено”, отделавшись легким испугом, а в иных случаях комиссия допускала благодушие, в чем позже раскисивалась. Продержав короткое время в Лукьяновской тюрьме В. В. Шульгина, она выпустила его на свободу. А ведь одно имя Шульгина, и особенно в Киеве, олицетворяло злобную реакцию» (ЦДАГО Украины. Ф. 59. Оп. 1. Д. 1571; Эрде (Райхштейн) Давид Израилевич. По журналистским тропам. 1978 г. Л. 102).

¹⁰⁸ Сайн-Витгенштейн Е. Н. Дневник 1914–1918. Париж, 1986. С. 157–158.

¹⁰⁹ Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1918. 1 января.

¹¹⁰ Там же.

накануне вступления немцев в «мать городов русских», киевляне переписывали дневник от руки и распространяли по городу в многочисленных списках¹¹¹.

Ценность дневника была в том, что он абсолютно искренен. Общее подавленное состояние Шульгина усугублялось еще и происходившими в стране событиями, которые казались ему агонией той России, которую он любил и знал. Ожидание прихода со дня на день немцев в родной город было для патриота Шульгина мучительно, униженное национальное чувство требовало выхода наружу. Давая оценку дневнику, публицист харьковской газеты «Возрождение» справедливо писал: «Отчаяние, доходящее до ожесточения, и ожесточение, граничащее с отчаянием, сознание своей полной беспомощности перед нахлынувшим девятым валом революции, несущим на своем гребне уже не призрак, а роковую правду порабощения всего народа всей России — все это попеременно с равной мерой силы и яркости отражается в дневнике. Не все справедливо из написанного автором, от многого сам он, возможно, откажется впоследствии, когда все пережитое можно будет рассматривать из некоторого «прекрасного далека», в исторической перспективе, но ценность дневника и заключается, главным образом, в том, что данный момент пережит им сполна и переживания эти запечатлены с огромной силой...»¹¹².

В записи от 15 февраля 1918 г. (ст. стиль) Шульгин охарактеризовал состояние русской интеллигенции города Киева и дал интересную, хотя и предвзятую оценку предыстории происходивших в те дни событий — русской революции и Первой мировой войны. «Пришли [немцы. — *А. П.*]... [Это и последующие отточия принадлежат В. В. Шульгину. — *А. П.*] Не пришли... Пришли... Не пришли. Люди сидят по домам и гадают. Не все ли равно — пришли или не пришли. Если не пришли, так придут. Днем раньше, днем позже, какое это имеет значение. И если хладнокровно пробежать по всему прошлому, то могло ли быть в конце концов иначе <... > Неизбежное совершилось. Какое будущее. Будущее в нас самих. Русской интеллигенции надо выздороветь душой и телом и надо понять, что она совершила преступление, когда патриотов своего отечества клеймили преступлением. Ей надо стать рабочей, практичной и национально настроенной. Русскому народу нужно понять, какие страшные кары суждены тем, кто покушается на чужое, ему надо понять простую истину, что с чужого добра не будет добро. Ему нужно понять для чего существует власть и научиться уважать высшие классы. Он должен знать, что без культурных людей ему не жить. Тогда возможно возрождение России. Если же национальное чувство у русских атрофировано совершенно, если его не разбудит даже раскаленное железо, которым явятся немцы, хозяйничающие на улицах Петрограда, Киева, а может быть и Москвы, то тогда Россия безнадежна. Но ведь тогда возникает вопрос, нужна ли вообще она. Если по существу своему подавляющее большинство русских людей будет чувствовать себя хорошо под немецким владычеством, то зачем спрашивается Россия. Ведь формы человеческого общежития существуют для людей, а не люди для формы. Конечно, нам, последним

¹¹¹ См. полный текст публикации дневника: *Шульгин В. В.* «Создалось положение просто дьявольское...» (дневник февраля 1918 года) / Вступительная статья, публикация и комментарии *А. С. Пученкова* // Русское прошлое. 2010. Кн. 11. С. 98–109.

¹¹² *Mitridat*. Накануне // Возрождение. Харьков. 1918. 23 мая (5 июня).

могиканам, которые любили Россию благодаря тому же всепобеждающему инстинкту, вследствие которого журавли осенью находят верную дорогу на юг, нам будет невыносимо тяжело, грустно и печально, но, если стомиллионный русский народ ничего не чувствует к своему отечеству, то каким образом мы, несчастная кучка, можем разбудить это национальное чувство, и для чего мы будем его будить. Пусть русские рабы благоденствуют под немецким владычеством, если им это нравится, а те, кто не хочет и не может быть рабом, те немногие найдут себе какой-нибудь путь. Есть положения, из которых нельзя спастись, но нет положения, из которого нельзя было бы выйти с честью»¹¹³. Колоссальный резонанс приобрела статья Шульгина, приуроченная к вступлению в город кайзеровских войск. В этой связи Шульгин посчитал необходимым выпустить так называемый «Последний номер “Киевлянина”», в котором вознамерился прокомментировать занятие родного города врагом. Обращаясь к вступившим в город немцам редактор «Киевлянина» писал: «Выпуская последний номер “Киевлянина”, мы позволяем себе напомнить всем, кому о сем ведать надлежит, что мировая война не кончилась; что жесточайшая борьба будет продолжаться на Западном фронте; что уничтожение России есть лишь один из эпизодов этой войны; что на место России вступила Америка; что русский вопрос не может быть решен окончательно ни в Бресте, ни в Киеве, ни в Петрограде, ни даже в Москве, ибо карта Европы будет вычерчена на кровавых полях Франции, где произойдет последняя решительная битва. Мы позволяем себе сказать еще, что нынешнее состояние России не есть гибель русского народа, но это есть несомненная гибель “русской революции”... Контрреволюция пришла в образе немецких офицеров и солдат, занявших Россию. Тех немецких солдат, у которых “нервы оказались крепче”. Ибо что такое контрреволюция в глазах безмозглых митрофанушек социализма? Контрреволюция — это порядок, это крепкая власть, это конец безделью, болтовне, конец надругательствам и насилиям над беззащитными и слабыми. Так вот поздравляем вас, господа революционеры! Немцы принесли этот порядок на своих штыках... и прежде всего, приводя в действие железные дороги, приказали вымыть и вымести дочиста наш несчастный киевский вокзал, эту эмблему современной культуры, которую вы столько времени пакостили во славу демократических принципов. Чистота и опрятность! Есть ли начало более враждебное грязи венчанной русской революции? Ах, господа, вы не хотели отдавать честь русским офицерам... А теперь с какой готовностью отдаете эту “честь” немцам! Почему? Да потому, что они избавили вас от самих себя, потому что они спасают вашу собственную безумную жизнь, потому что в звериной ненависти вами овладевшей, вы перегрызли бы горло друг другу. И вы глубоко благодарны пинку немецкого приклада, который привел вас в чувство. Но мы, мы немцев не звали. Когда вы [социалисты. — А. П.] расстреливали нас и жгли, мы говорили: “убивайте и жгите, но спасите Россию”. И так как мы немцев не звали, мы не хотим пользоваться благами относительного спокойствия и некоторой политической свободы, которые немцы нам принесли. Мы на это не имеем права. А то что нам не принадлежит по праву, мы не возьмем даже в том случае, если бы нам его отдавали “без выкупа”. Мы ведь не “социалисты” — благодарение Господу

¹¹³ ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 25 а. Л. 2–3.

Богу! Мы были всегда честными противниками. И своим принципам мы не изменим. Пришедшим в наш город немцам мы это говорим открыто и прямо. Мы ваши враги. Мы можем быть вашими военнопленными, но вашими друзьями мы не будем до тех пор, пока идет война. У нас только одно слово. Мы дали его французам и англичанам и, пока они проливают свою кровь в борьбе с вами за себя и за нас, мы можем быть только вашими врагами, а не издавать газету под вашим крылышком. Да, если бы “Киевлянин” стал вновь выходить, то это значило бы, что немцы обеспечили ему безопасность. Даже эти строчки, которые сейчас пишутся, могут быть выпущены благодаря попустительству немецкой власти. Если бы “Киевлянину” была дана возможность выходить, то это значило бы, что здесь расчет, или великодушие. Расчетам помогать мы не хотим, великодушия принять не можем. Мы хорошо понимаем значение только что сказанных слов, но и враги наши поймут, что иного выхода для честных людей нет. Какие последствия будут для нас лично — мы не знаем, но ту часть русского общества, от имени которой мы позволяем себе говорить, немцы принуждены будут уважать, как они вынуждены презирать тех, кто сейчас пресмыкается перед ними. И мы хорошо знаем, что когда наступит время действительного примирения, когда кончится эта ужасная мировая борьба, кончится миром, не постыдным для всех, кто честно боролся за свою родину, тогда честные противники скорей столкнутся друг с другом, чем бесчестные друзья»¹¹⁴. Статья Шульгина произвела большое впечатление на современников, ибо была очень своевременна, в дни всероссийского унижения в ней чувствовалось национальное достоинство¹¹⁵. Может быть, поэтому статья была нарасхват, как писал в своем дневнике великий ученый В. И. Вернадский¹¹⁶; не случайно, что цена «Последнего номера “Киевлянина”» доходила у газетчиков до 25 рублей, при номинале в 10 копеек¹¹⁷. Статья вышла, по словам Шульгина, «очень бумной», а ее автор стал «всеми признанным “другом Франции”», можно сказать, до гробовой доски, верным в счастье и горе, словом, неким паладином союзнической ориентации»¹¹⁸.

Надо сказать, что Шульгин не обманулся в своих ожиданиях: немцы уважали честных противников и неоднократно через третьих лиц предлагали Василию Витальевичу возобновить «Киевлянин», обещая не вмешиваться в управление газетой. По словам князя Г. Н. Трубецкого, «молчание Шульгина было для

¹¹⁴ Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1918. 25 февраля (10 марта). 55 лет спустя Шульгин вспоминал: «Номер вышел. Он произвел сильнейшее впечатление. И на Киев, и на гостей — немцев. От кого говорит этот Шульгин, употребляя “семейное” “мы”? Этого я тогда и сам не понимал. Только теперь понимаю. Кто дал слово французам и англичанам? Русский Император (В это время Царя уже не было. Он погиб 4 июля 1918 года. Так ведь? Наверное...) Его уже не было. Я говорил от его имени. Теперь я это понимаю. Но немецкое командование поняло это раньше меня. Для них это звучало внушительно...» (Шульгин В. В. Французская интервенция на юге России в 1918–1919 годах // Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны. М., 2002. С. 467).

¹¹⁵ Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 467.

¹¹⁶ Вернадский В. И. Дневники. 1917–1921. К., 1994. С. 72.

¹¹⁷ Шульгин В. В. Французская интервенция на Юге России в 1918–1919 годах // Последний очевидец. М., 2002. С. 467; Он же. 1917–1919 / Предисловие и публикация Р. Г. Красюкова; комментарии Б. И. Колоницкого // Лица: Историко-биографический альманах. 1994. № 5. С. 203.

¹¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 13. Рукопись статьи В. В. Шульгина «Союзники и Россия». Л. 30.

них [немцев. — А. П.] неприятнее его критики»¹¹⁹. Однако на предложение немцев Шульгин ответил отказом, откровенно заявив немцам, что считает их врагами¹²⁰.

Борьба с украинским сепаратизмом была одним из важнейших аспектов деятельности Шульгина как политика. Шульгин родился и вырос в Киеве. «В более развернутом понимании “мой” дом — это город Киев; а в еще более широком, “мой” дом — это моя родина, Русь — Россия. Вся Россия мыслится и ощущается мной, как колония “матери городов русских”», — писал Василий Витальевич¹²¹. По обоснованному наблюдению петербургского историка А. Э. Котова, «именно элемент здорового малороссийского провинциализма придал Шульгину ту нравственную и физическую живучесть, что так восхищала даже его противников. Принадлежность к “русскому югу”, веками бывшему арендой русско-польского противостояния, обостряла и национальные чувства...»¹²². В. В. Шульгин любил свой родной край, был, по характеристике его ближайшего сотрудника, «фанатичным малороссиянином»¹²³, но само понятие «Украина» оставалось для него искусственным, принесенным извне. Еще в «думский» период своей политической биографии Шульгин квалифицировал украинофильство как национально-государственную измену и предательство¹²⁴. В. В. Шульгин писал: «Термины Украина, украинцы, украинский язык, украинская держава имеют одно назначение, — вытравить в умах местного населения сознание, что этот край русский, что жители его — самые русские из всех русских, что языком развитой части населения его является общерусская речь, в то время как деревня наша пользуется малороссийским просторечием, точно так же, как деревня Великороссии пользуется великорусским просторечием. Но мы природные жители этого края, дорожим своей принадлежностью к единому русскому народу, которому, несмотря на все выпавшие на его долю испытания предстоит еще великая будущность, мы, сыны великого народа, не хотим отречься от славного национального имени наших предков, за которое они столько боролись, не можем перевертываться в каких-то украинцев без роду и племени: русскими родились, русскими и останемся»¹²⁵. Настоящее имя украинцев, по мнению ближайшего соратника В. В. Шульгина, А. И. Савенко, — малороссы, т. е. русские Малой Руси¹²⁶. Об этом же говорил В. В. Шульгин в своем выступлении

¹¹⁹ Трубецкой Г. Н. Годы смут и надежд. 1917–1919. Монреаль, 1981. С. 97. «Весьма умен — противник, которого надо воспринимать всерьез», — так Шульгин был охарактеризован в одной из аналитических записок о положении на Украине, составившихся для австро-венгерского оккупационного командования (см.: *Ereignisse in der Ukraine 1914–1922 deren Bedeutung und historische Hintergründe*. Philadelphia, 1966. В. I. S. 384).

¹²⁰ Шульгин В. В. 1917–1919... С. 207.

¹²¹ Шульгин В. В. Письма к русским эмигрантам. М., 1961. С. 59.

¹²² Котов А. «Скромный дневник Адама» / «Спор о России» в переписке Василия Маклакова и Василия Шульгина // Российская история. 2013. № 2. С. 21.

¹²³ Ефимовский Е. В русском Киеве в 1918 году // Возрождение. Литературно-политические тетради. Тетрадь семьдесят восьмая. Париж. Июнь 1958 года. С. 133.

¹²⁴ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 298.

¹²⁵ ГАРФ. Ф. Р-446 (Политическая канцелярия Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России). Оп. 1. Д. 41. Л. 4.

¹²⁶ Савенко А. И. Наше национальное имя // Малая Русь. Выпуск первый. Киев, 1918. С. 31; Он же. К вопросу о самоопределении населения Южной России // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М., 1998. С. 291–296.

на Государственном Совещании в Москве в августе 1917 г., призывая не объединять понятия «украинцы» и «малороссы», ибо «малороссы», по утверждению Шульгина, как и 300 лет назад, продолжают ориентироваться на Москву¹²⁷. Основные принципы шульгинского подхода к «украинской» проблеме были следующие: «отдельного украинского народа не существует; народ, населяющий южные губернии, всегда называл себя русским и должен и впредь так называться»¹²⁸, а Украина — это «самая русская земля из всех русских земель»¹²⁹. Воссоединение Украины и России, «аншлюсс», по словам Шульгина, явилось началом русской государственности¹³⁰. Отношение Шульгина к украинскому сепаратизму весьма любопытно. Украинский сепаратизм, по Шульгину, — «доктрина абсолютно чужая, приверженцы которой в России насчитываются единицами»¹³¹. Импульс же «украинствующим» был дан извне, утверждал Василий Витальевич. «Военачальники центральных империй считали удобным поддерживать это движение, предназначенное для разжигания волнений, расчленения и ослабления России», — во многом обоснованно заявлял Шульгин, находясь уже в эмиграции¹³². «Украина», «украинское движение» рассматривалось В. В. Шульгиным как грандиозная мистификация, имеющая своей целью обессилить Россию, отколов от нее весь юг¹³³. «Украинцев» В. В. Шульгин рассматривал как своеобразную политическую секту, представители которой являются, по его определению, «злейшими врагами русского народа»¹³⁴. Раздражало Василия Витальевича и то, что «украинцы», по терминологии Шульгина, «русские, живущие на Украине», «рассудку вопреки и наперекор стихиям, стремятся доказать, что они не русские и никогда ими не были»¹³⁵. Шульгин писал: «Если есть вообще на свете русское племя, то основная его часть, его ядро, это — то население, которое группировалось вокруг Киева, как своего центра»¹³⁶. Именно поэтому житель Малороссии, называющий себя украинцем, таким образом «отрекается от батькивщины, от дедов и прадедов, изменяет свою национальность»¹³⁷. По Шульгину, «украинец» не может быть национальностью, так как «Украина» — это любая приграничная

¹²⁷ Государственное совещание. М.; Л., 1930. С. 110.

¹²⁸ ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 18. Рукопись В. В. Шульгина «1919 год. Киев под добровольцами». Л. 134.

¹²⁹ Там же. Л. 136.

¹³⁰ Шульгин В. В. Аншлюсс и мы. Белград, 1938. С. 1; ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 18. Л. 141; Шульгин В. Селянам // Киевлянин. 1919. 25 августа. «Север и юг в раздельности слишком слабы для тех задач, которые перед ними поставила история. И только вместе, идя рука об руку, северяне и южане смогут вспомнить общее мировое предназначение» (Шульгин В. В. Украинствующие и мы! Белград, 1939. С. 26).

¹³¹ Отдел Рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1089 (Ваврик Василий Романович). Ед. хр. 1289. Л. 2. Письмо Шульгина Высокому комиссару по делам эмигрантов в Лиге Наций. 1932 г.

¹³² Там же. Л. 2–3. См. полный текст письма Шульгина: Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина. СПб., 2012. С. 284–288.

¹³³ «Все украинские затеи, под каким бы соусом они не преподносились, хотя бы даже в виде федерации или автономии, суть не более как замаскированный способ нанести России такой удар, от которого она не оправилась бы» (Шульгин В. Областные автономии // Россия. Одесса. 1919. 16 января.)

¹³⁴ Шульгин В. Протекторат // Россия. Одесса. 1919. 19 января.

¹³⁵ Шульгин В. В. «Малая Русь» // Малая Русь. Выпуск первый. Киев, 1918. С. 4.

¹³⁶ Шульгин В. Великая правда и великая ложь // Русская мысль. Париж, 1927. Кн. 1. С. 77.

¹³⁷ Шульгин В. В. 1917–1919 / Предисловие и публикация Р. Г. Красюкова; Комментарии Б. И. Колоницкого // Лица: Биографический альманах. 5. — М.; СПб., 1994. С. 162.

территория, окраина государства¹³⁸. Таким образом, отличия малороссов от великороссов проявляются только в форме простонародного говора, а также в ряде региональных особенностей¹³⁹. Вместе с тем и малороссы и великороссы являются, по Шульгину, частью единого русского племени. Как следствие, признание самого факта существования отдельной украинской нации невозможно, ибо «если существует 35 миллионов украинцев, то все остальное, в том числе «украинская держава» приложится»¹⁴⁰. Даже употребление термина «Украина» применительно к Малороссии уже, согласно В. В. Шульгину, является косвенным подспорьем в политической игре «украинцев», а значит — недопустимо¹⁴¹. Иронизируя над украинским движением, Шульгин писал: «Наше собственное невежество доходило и доходит до того, что Москву почитают «исконно русским краем», а Киев — «столицей Украины...»¹⁴². «Перестаньте называть древнюю Киевскую Русь — Украиной», — писал В. В. Шульгин¹⁴³. Точно также В. В. Шульгин отрицал наличие особого украинского языка, признавая только факт существования простонародного говора. Украинского же литературного языка, согласно Шульгину, попросту не существует¹⁴⁴. Для населения Малороссии единственно приемлемой государственностью во все времена была государственность русская, «ибо она была ему родная»¹⁴⁵. Украинская же государственность оказалась нежизнеспособной в силу того, что «для украинской державы нужен украинский народ, которого не оказалось в наличности. Территория, на которую претендовала украинская держава, от века занята народом русским и по этой простой причине никакой иной кроме русской державы здесь не удержится», — писал Шульгин в занятом Добровольческой армией Киеве осенью 1919 г.¹⁴⁶ Крестьяне, называющие себя украинцами, попали под воздействие пропаганды, утверждавшей, что землю получают только украинцы. Следовательно, «хохлы», как называл их Шульгин, записались в «украинцы», «Бо земля наша!», — иронизировал В. В. Шульгин¹⁴⁷. Однако помимо борьбы с «украинством» в прессе существовала и вполне реальная борьба В. В. Шульгина и его сторонников в области политической.

В годы Гражданской войны вокруг В. В. Шульгина образовалась группа единомышленников, получившая в литературе наименование «группа В. В. Шульгина» или «киевлянинская группа». Деятельность группы затрагивала многие направления, к числу которых относилась и борьба с «украинством». Сторонники В. В. Шульгина понимали, что «Москве без Киева не быть Россией, а только Московской, а Киеву без Москвы не быть Русью, а всего лишь продолжением Австрии.

¹³⁸ Там же. С. 151.

¹³⁹ Шульгин В. Великая правда и великая ложь... С. 72–73.

¹⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 18. Л. 136.

¹⁴¹ Шульгин В. В. Аншлусс и мы... С. 5.

¹⁴² ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 17. Л. 8.

¹⁴³ Шульгин В. Да или нет // Русская газета. Париж. 1925. 7–8 января.

¹⁴⁴ Шульгин В. «Украинский язык» // Киевлянин. 1917. 16 апреля; Передовая В. Шульгина // Там же. Шульгина 1917. 18 апреля; Шульгин В. Русский язык // Русская газета. 1925. 13 января; Шульгин В. Акт нежливости // Новое время. Белград. 1924. 10 февраля; Шульгин В. Великая правда и великая ложь... С. 78.

¹⁴⁵ Шульгин В. Местные особенности // Великая Россия. Ростов-на-Дону. 1919. 21 сентября.

¹⁴⁶ Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1919. 17 ноября.

¹⁴⁷ Шульгин В. Земля // Там же. 1919. 24 сентября.

Борьба между этими двумя направлениями и составляла всю сущность вопроса о том, как называть край Украиной или Малороссией, а народ, его населяющий, «украинским» или «малорусским». Под этими казалось бы «словами», таилась пропасть, отделявшая две ориентации, — на Москву и на Вену (вернее на Берлин)», — характеризовал деятельность группы сам Шульгин¹⁴⁸. В. В. Шульгин и сотрудники «Киевлянина» проводили строгое разграничение между «здоровым местным патриотизмом» и так называемым «мазепинством». Сепаратистов Шульгин окрестил «мазепинцами», которым противопоставлялись соответственно «богдановцы», то есть последователи Богдана Хмельницкого и его политики в отношении России. По убеждению Шульгина, «к богдановцам...примыкало большинство населения города Киева»¹⁴⁹. Идея о немецком происхождении украинского движения была центральной в аргументации Шульгина. Он был убежден, что, потеряв надежду на военную победу над Россией, немцы решили расчленить ее, отделив от нее весь юг. Для этого Германия поддерживала независимую Украину, стравливая русских и украинцев¹⁵⁰. В статьях Шульгина доказывалось, например, что «украинцев» в течение нескольких лет подготавливали в специальных лагерях в Германии, «внушая им украинский патриотизм и любовь к Германии»¹⁵¹. Уже в начале апреля 1917 г. В. В. Шульгин писал: «нам тяжело будет, если Киев из матери городов русских станет рассадником украинского отщепенства». Впрочем, В. В. Шульгин все же подчеркивал, что военная победа России может оправдать украинское движение. Даже мысль о том, что «по улицам города будут сновать прусские мундиры», казалась лидеру русских националистов ужасной. «Мы готовы отдать Киев заблуждающимся братьям [украинцам. — *А. П.*], лишь бы не предать его врагам», — писал Василий Витальевич¹⁵². Вскоре, однако, стало очевидно, что рост украинского самосознания не способствует росту боеспособности русской армии. Как следствие, непримиримость Шульгина и его сторонников по отношению к «украинцам» возросла. Большевики же, являясь, по мнению В. В. Шульгина, немецкими агентами, «просто исполняли соответствующий акт инсценировки: немцы обещали им оставить их в Москве, если они не будут мешать созданию «Украины»¹⁵³. «Украинцев» В. В. Шульгин и его соратники отождествляли с большевиками, рассматривая и тех и других как порождение вредоносной германской пропаганды. Поэтому Шульгину в течение всей Гражданской войны союз с «украинцами» казался абсолютно недопустимым по соображениям прежде всего морального характера.

Итоги выборов в Украинское Учредительное Собрание во многом подтверждали идеи Шульгина о «русском» Киеве. Представителем Киева в Украинское Учредительное Собрание (оно так никогда и не было созвано) был избран вождь русской партии В. В. Шульгин, а его «Внепартийный блок русских избирателей города Киева» получил больше голосов, чем все украинские партии, вместе взятые¹⁵⁴. Против-

¹⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 18. Л. 128.

¹⁴⁹ Там же. Л. 128.

¹⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 25 а. Дневник Шульгина. Февраль 1918 г. Л. 1.

¹⁵¹ Шульгин В. Что делают и что говорят // Россия. Екатеринодар. 1918. 7 сентября.

¹⁵² Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1917. 6 апреля.

¹⁵³ ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 25 а. Л. 1.

¹⁵⁴ Москвич А. Г. Несколько слов о выборах в Украинское Учредительное Собрание // Малая Русь. Выпуск третий. Киев, 1918. С. 52.

ники Шульгина называли его блок «черной сотней», на что редактор «Киевлянина» в одной из своих статей возразил: «нас не сотня в Киеве, а 25 тысяч с лишком, то есть больше чем всех украинцев, вместе взятых»¹⁵⁵. Шульгин писал: «Культурный класс Малороссии высказал совершенно определенно свое отрицательное отношение к украинской державе; низы же народа по вопросу об отделении от остальной России опрошены вовсе не были, так что отделение от России и провозглашение “Украинской самостоятельности” произведено помимо воли населения: народ в этом акте никакого участия не принимал...»¹⁵⁶. Отнюдь не симпатизировавший Шульгину казачий деятель В. В. Шапкин вспоминал о том, что «Киев, голова и сердце Украины, поражен своими антиукраинскими настроениями. Украинские настроения существовали только в официальных украинских учреждениях. Не только все великороссы, жившие в Киеве, но и все природные украинцы русского направления никак не мирились с украинизацией и всячески издевались над ней...»¹⁵⁷. Значит, рассуждая с этой позиции, право малороссийского народа на национальное самоопределение было проигнорировано. Поэтому решение «украинской» проблемы может быть отнесено лишь к компетенции Всероссийского Учредительного Собрания. В беседе с министром-председателем Временного Правительства Г. Е. Львовым Шульгин получил заверение именно о таком способе решения проблемы национального самоопределения Украины¹⁵⁸.

Подобных убеждений Василий Витальевич придерживался до конца своей долгой жизни, считая одной из ошибок национальной политики Советской власти признание украинцев отдельной нацией и поощрение «украинства». «Взяв на помощь Гепеу [Речь идет об ОГПУ при СНК СССР. — А. П.], украинизируют “матушки городам русским” и всю страну, от Киева до Черного моря, носившего когда-то имя — “Русского моря”. Многомиллионному населению, исстари почитавшему себя русским, не дают спокойно разобраться, “самоопределимся”, кто человек таков есть и кем, на крайность, желает быть. Дубиной по голове вколачивают: “ты — украинец!”» — писал Шульгин¹⁵⁹. Деятельность группы Шульгина проходила в оккупированном немцами Киеве. Помимо выполнения приказа генерала М. В. Алексеева, данного Шульгину еще в ноябре 1917 г. и сводившегося к отправке офицеров на Дон, Шульгин и его группа занималась еще и политикой. Три основных лозунга группы Шульгина — борьба с большевизмом, верность союзникам и монархия — проповедовались группой совершенно открыто и с большой страстностью. По словам Деникина, «для Шульгина и его единомышленников монархизм был не формой государственного строя, а религией»¹⁶⁰.

Отношение к союзникам занимало особое место в политической программе В. В. Шульгина и его сторонников, среди которых виднейшую роль играл генерал от кавалерии Абрам Михайлович Драгомиров¹⁶¹, бывший, по сути, равноценной

¹⁵⁵ Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1918. 23 января.

¹⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 41. Л. 5.

¹⁵⁷ Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library, Bakhtmeteff Archive (далее — BAR).

Шапкин В. В. Рукопись воспоминаний. Р. 3. Предоставлено С. Машкевичем (Нью-Йорк).

¹⁵⁸ Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1917. 2 июня.

¹⁵⁹ Шульгин В. Кто кого душит? // Россия и славянство. Париж. 1930. 30 августа.

¹⁶⁰ Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 2003. Т. 3. С. 460–461.

¹⁶¹ Кин Д. Деникинщина. Л., 1927. С. 8–9.

Шульгину фигурой, и обладавший большим авторитетом в военной среде. Шульгин, как и вожди Добровольческой армии, непоколебимо придерживался союзнической ориентации. Под «верностью» России Шульгин понимал осуществление взятых на себя российским императором союзнических обязательств по отношению к Антанте¹⁶².

В. В. Шульгин был руководителем тайной контрразведывательной организации «Азбука», деятельность которой была поставлена на службу Добровольческой армии¹⁶³. «Азбука» возникла в марте 1918 г., хотя зародыш организации возник еще в ноябре 1917 г. в Новочеркасске, куда Шульгин приехал для встречи с основоположником Белого движения на Юге России генералом М. В. Алексеевым¹⁶⁴. На секретном совещании с участием В. В. Шульгина, А. И. Савенко, В. Я. Демченко, А. Д. Билимовича, Ф. Н. Безака, Е. А. Ефимовского, князя А. Н. Долгорукова и А. М. Драгомирова, последний, если верить воспоминаниям Ефимовского, сразу заявил, что «немцы на Западе будут разбиты и, что ставка на них есть “ставка не на ту лошадь”». Правые считали, что “немецкая синица” уже в руках; она выгоднее союзнического “журавля”. Я полагал: никаких союзов с немцами; внутреннее соглашение монархистов; мы сначала российские монархисты, а потом сторонники той или иной ориентации. Выход был найден В. В. Шульгиным: кто-то из воюющих победит, а с ним и его “фили”. Они не должны будут забыть, что мы не враги, а заговорщики. На этом и порешили. Распределение функций: военнотехническая часть и секретные сношения с французской разведкой — В. В. Шульгин; разведка внутренняя — А. И. Савенко; итоги разведки особым рапортом В. В. Шульгин сообщал начавшемуся Белому движению. Вся организация носила название “Азбука”. С Москвой и Одессой “Азбука” сносилась особыми “курьерами”, а внутренняя — “почтальонами”; их обязанность выполняли женщины: жена А. И. Савенко, моя жена Зоя Григорьевна, мужественно рисковавшие при возможном обыске своей головой. Как общее правило, в отсутствие В. В. Шульгина его функции выполняла Е. Г. Шульгина. На меня была возложена печатная пропаганда в рамках, дозволенных цензурой, и возможные печатные речи. Наша политическая платформа: Национальное единство верной своим словам Российской Империи с законным императором, разделяющим свою власть с народным представительством в рамках “Основных законов” и прощального манифеста Государя Императора»¹⁶⁵. Целью возникшей организации являлась отправка на Кубань и на Дон «русского офицерства, покинувшего или покидавшего в то время фронт... и политическая информация командования Добровольческой Армии»¹⁶⁶. Первые несколько месяцев организация, ведя разведку в Киеве, информировала главным образом союзников, Москву и Добровольческую армию¹⁶⁷. Сам Шульгин

¹⁶² Шульгин В. В. Французская интервенция на юге России в 1918–1919 годах // Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны. М., 2002. С. 467.

¹⁶³ Репников А. В., Христофоров В. С. Василий Витальевич Шульгин // Российская история. 2009. № 5. С. 160; Kenes P. Civil war in South Russia, 1919–1920. The defeat of the Whites. Berkeley, 1977. P. 65–71.

¹⁶⁴ К истории осведомительной организации «Азбука»: Из коллекции П. Н. Врангеля (архив Гуверовского института) / Публ. В. Г. Бортневского // Русское прошлое. СПб., 1993. Кн. 4. С. 162–163.

¹⁶⁵ Ефимовский Е. А. Русский Киев в 1918 году // Статьи. Париж, 1994. С. 136–137.

¹⁶⁶ К истории осведомительной организации «Азбука»... С. 165.

¹⁶⁷ Там же. С. 163.

считался начальником организации. Агентами «Азбуки» были исключительно политические единомышленники В. В. Шульгина. Имена агенты получали по названию букв русского алфавита¹⁶⁸. Начальнику организации были известны все лица, состоявшие в организации. Каждая «буква» набирал в организацию сколь угодно лиц, давая им другие, уже не буквенные прозвища. Вновь поступавшие в ряды организации знали лишь своего вербовщика¹⁶⁹. Донесения представляли собой ленточки бумаги, которые прятались в мундштук папиросы, которая укладывалась в коробку, так что секретность донесений была на достаточно высоком уровне¹⁷⁰. Случалось, что агента обыскивали несколько раз и не найдя ничего, кроме папирос, отпускали на свободу¹⁷¹. Донесения «Азбуки» играли исключительно важную роль, в определенной мере заполняя тот информационный вакуум, в котором находились вожди Добровольческой армии. Ценность «разведочного материала», поставлявшегося «Азбукой», подчеркивал и А. И. Деникин¹⁷². С Москвой и Одессой сносились особыми «курьерами», внутреннюю доставку информации осуществляли так называемые «почталыоны», их обязанности выполняли жены «азбучников», не раз подвергавшиеся колоссальному риску во время обысков¹⁷³. Организационная работа «Азбуки» сводилась, сообщал курьер «Азбуки» П. М. Виридарский, помимо доставки разведочного материала, к: а) «к созданию на месте эмбриональных войсковых частей, которые могли бы развертываться и пополняться на месте своего назначения и б) к эволюции как в виде таких эмбриональных частей, так и одиночных чинов туда, где в этом могла ощущаться надобность»¹⁷⁴. Кроме того, «Азбука» и группа Шульгина разрабатывали вопрос «о возможности партизанской войны в тылу немцев в виду того, что народ не скрывает своего враждебного отношения к немцам»¹⁷⁵. Нужно сказать, что костяк и группы Шульгина и «Азбуки» составляли одни и те же люди, разделявшие политические убеждения Василия Витальевича¹⁷⁶. «Азбука», таким образом, была, по словам Деникина, «техническим аппаратом» группы Шульгина¹⁷⁷. По словам самого Шульгина, «Цели конспиративной организации “Азбука” были сформулированы в 4 коротких лозунгах: 1. Против немцев. 2. Против украинцев-мазепинцев. 3. Против большевиков. 4. За Добровольческую армию. На этой основе и вербовались члены этой тайной

¹⁶⁸ Kenez P. The Civil War in South Russia. 1919–1920...P. 67.

¹⁶⁹ Шульгин В. В. 1917–1919 / Предисловие и публикация Р. Г. Красюкова; Комментарии Б. И. Колоницкого // Лица: Биографический альманах. 5. — М.; СПб., 1994. С. 205–206. Об «Азбуке» см. документальную повесть Никиты Брыгина: Брыгин Н. А. «Азбука». Документальное повествование // Азбука. Одесса, 2000. Т. II. С. 147–316; «Сотрудники «Азбуки» свято исполнили долг». О разведывательной организации В. В. Шульгина / Публ. Л. Павличковой // Источник. Документы русской истории. 1997. № 3. С. 60–72; К истории осведомительной организации «Азбука»: Из коллекции П. Н. Врангеля (архив Гурьевского института) / Публ. В. Г. Бортневского // Русское прошлое. — СПб., 1993. Кн. 4. С. 160–193.

¹⁷⁰ Российский государственный Военный архив (РГВА). Ф. 40307 (Varia). Оп. 1. Д. 172. Л. 44.

¹⁷¹ Шульгин В. В. 1917–1919...С. 204–205; Он же. «Азбука» // Последний очевидец... С. 502.

¹⁷² Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 462.

¹⁷³ Ефимовский Е. Указ. соч. С. 137.

¹⁷⁴ ГАРФ. Ф. Р-6396 (Контрразведывательная часть Особого отделения отдела Генерального штаба военного управления Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России). Оп. 1. Д. 91. Л. 2.

¹⁷⁵ Там же. Л. 2.

¹⁷⁶ Kenez P. The Civil War in South Russia. 1919–1920...P. 67.

¹⁷⁷ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 462.

организации»¹⁷⁸. «Кому это было недостаточно, пояснялось: — Газету «Киевлянин» читали? Так вот и вся программа», — вспоминал Василий Витальевич¹⁷⁹.

Несмотря на свой нелегальный статус, «Азбука» была важным звеном в системе Добровольческой армии. Всеми правдами и неправдами аналитические сводки «Азбуки» о положении в России попадали на стол Алексееву. Сводки эти изображали повсеместный рост монархических настроений в стране. Как следствие, Шульгин призывал вождей Добровольческой армии к открытому провозглашению монархической идеи, утверждая, что это приведет к притоку в армию новых добровольцев, в армии будет много «народу и притом отборного», как о том Шульгин писал в письме А. В. Колчаку¹⁸⁰; в свою очередь «непредрешение» формы политического устройства будущей России до созыва Всероссийского Учредительного Собрания опасно для армии¹⁸¹, так как может привести к ее распаду¹⁸². Открытая приверженность идее монархии привела к тому, что в годы Гражданской войны у Шульгина создалась репутация человека, стремящегося вернуть Россию к временам «где-нибудь около Иоанна Грозного или Аракчеева»¹⁸³.

Комментируя позицию Шульгина, в письме к нему Алексеев писал: «Относительно нашего лозунга — Учредительное собрание — необходимо иметь в виду, что выставляли мы его лишь в силу необходимости. В первом же объявлении, которое нами будет сделано, о нем уже упоминаться не будет совершенно. Наши симпатии должны быть для Вас ясны, но проявить их здесь открыто было бы ошибкой, т. к. населением это было бы встречено враждебно. От прежнего лозунга мы отказываемся. Для объявления же нового нужны соответствующие обстоятельства и прежде всего подвластная только нам территория. Это будет, как только мы перейдем к нашим активным планам»¹⁸⁴.

Выход из сложившегося кризиса В. В. Шульгину представлялся в соединении «всех государственных элементов под сенью конституционной монархии». Республика же в России может дать либо «Пугачевщину (этот специальный русский вид охлократии), либо тиранию кучки вожаков — охлократию, либо олигархию, но никогда не демократию». По словам Шульгина, «та группа, которая теперь борется за конституционную монархию, является истинной поборницей демократии, так как в России демократизм мыслим только в форме монархии, конечно конституционной»¹⁸⁵. Особое беспокойство у Шульгина вызывал лозунг Учредительного Собрания, не снятый белогвардейцами с повестки дня. В письме, адресованном Н. Н. Львову для передачи вождям Добровольческой армии, Шульгин утверждал, что «никакие воззвания с Учредительным Собранием и народоправств-

¹⁷⁸ Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключенного / Сост., вступ. ст. В. Г. Макарова, А. В. Репникова, В. С. Христофорова; Коммент. В. Г. Макарова, А. В. Репникова. М., 2010. С. 163.

¹⁷⁹ Шульгин В. В. «Азбука» // Последний очевидец... С. 502.

¹⁸⁰ ГАРФ. Ф. Р-5827 (Деникин Антон Иванович). Оп. 1. Д. 52. Л. 2.

¹⁸¹ Подробнее о ключевой для Белого движения доктрине непредрешения см.: Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 — весна 1920 гг.). СПб., 2012. С. 9–14.

¹⁸² Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 461.

¹⁸³ Карант Г. Н. Между молотом и наковальней // Жизнь. Киев. 1919. 16 сентября.

¹⁸⁴ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 461.

¹⁸⁵ Шульгин В. Истинная демократия // Народоправство. Ростов-на-Дону. 1918. С. 22.

вом не привлекут в армию никого, по крайней мере из области, оккупированной немцами... Удержать армию поблизости от немцев со знаменем в виде Учредилки абсолютно невозможно... Держите связь с Москвой и Киевом... Без информации потеряете пульс и будете народоправствовать»¹⁸⁶.

Сама идея народного волеизъявления казалась Шульгину по меньшей мере сомнительной; всенародно же избранного Учредительного Собрания, особенно в том его составе, который был разогнан большевиками, — тем более. Свою позицию В. В. Шульгин мотивировал тем, что «народ-то не только не подчинился большинству этого Учредительного Собрания, а в значительной мере участвовал в его разгоне, во всяком случае, участвовала активная часть. Остальные же и ухом не повели, и пальцем не пошевельнули для того, чтобы защитить этот «драгоценный сосуд», содержащий в себе подлинную народную волю». Шульгин писал о том, что «это Собрание потоплено безвозвратно... полнейшим равнодушием русского народа», показавшего, что ему до «Учредительного Собрания ровно никакого дела нет»¹⁸⁷. В своих статьях Шульгин писал о том, что члены Учредительного Собрания пробилась в его состав при помощи «надувательства»¹⁸⁸. «Волеизъявление» черновского Учредительного собрания по всем почти вопросам должно рассматриваться, как волеизъявление всякого рода псевдонимов, но отнюдь не русского населения», — полагал Шульгин. Однако народное волеизъявление можно узнать, если при помощи поголовного опроса населения решать вопрос: признает ли русский народ Царя или нет? «Разумеется, — утверждал В. В. Шульгин, — этим способом мы получим неизмеримо более приближающийся к истинному желанию народа ответ, чем через волеизъявление господ псевдонимов правдами и неправдами, пробившихся в Таврический дворец»¹⁸⁹.

Кроме того, претензии правых эсеров на легитимность Учредительного Собрания 1918 года встречали со стороны Шульгина едкую иронию. В. В. Шульгин писал о том, что любое мероприятие с участием правых эсеров превращается в собрание «болтунов и бездельников». Да и вообще Россию отделяет большой промежуток времени от того момента, когда «нечто подобное Учредительному Собранию могло бы быть собрано»¹⁹⁰. Открытие же Учредительного собрания в дни Гражданской войны означало, по мнению Шульгина, «возобновить митинговую стратегию, митинговое управление государством, митинговую дипломатию, т. е. все то, что даже большевиками отвергнуто, как старая ветошная благоглупость»¹⁹¹. Все же после окончательной победы над большевизмом некое подобие Учредительного Собрания может быть воссоздано, но заниматься оно должно исключительно законотворчеством. Собрание должно быть составлено из государственно-мыслящих депутатов. Вся власть на время водворения в стране порядка должна принадлежать Верховному Правителю России. «Пусть Учредительное Собрание мирно пишет основные законы Российской Державы, а Верховный Правитель пусть правит Рос-

¹⁸⁶ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 172. Л. 47.

¹⁸⁷ Шульгин В. Учредительное Собрание по назначению // Народоправство... С. 26–27.

¹⁸⁸ Шульгин В. Клуб шулеров // Россия. Екатеринодар. 1918. 6 октября.

¹⁸⁹ Шульгин В. Как аукнется, так и откликнется // Народоправство... С. 18–19.

¹⁹⁰ Шульгин В. Будущее Учредительное Собрание // Там же. С. 29.

¹⁹¹ Шульгин В. Учредительное Собрание по назначению... С. 27.

сией до тех пор, пока не образует новой власти на основах, изображенных в законах, Учредительным Собранием составленных», — писал В. В. Шульгин¹⁹².

В качестве постоянной формы правления для России В. В. Шульгин видел конституционную монархию¹⁹³. Только идея монархии в годы национального бедствия оказалась жизнеспособной, ибо, по утверждению Шульгина, «только монархисты в России умеют умирать за Родину»¹⁹⁴. Несмотря на вышесказанное, отношение к реставрации монархии было у Шульгина далеко не столь однозначным. Как раз наибольшее опасение у Шульгина вызывала возможность насильственного восстановления монархии. В одной из своих статей того времени Шульгин утверждал: «Монархисты нашего толка насильственного восстановления монархии не хотят... Верховная власть... должна покоиться на фундаменте общего признания. Мы глубочайшим образом убеждены, что в России не водворится порядок и единство, пока монархия не будет восстановлена. Но мы не только не призываем, но мы предостерегаем против восстановления монархии до тех пор, пока это наше убеждение не станет всеобщим. Мы считаем, что Россия придет к монархии путем исключения. Вкусив прелести «социал-демократической республики» под мудрым водительством Лейбы Бронштейна, отведав удобства самостийности под немецким протекторатом, испытав прочность правления «Комитета членов Учредительного Собрания», проделав опыты с «Директориями» и может быть с еще неизвестными нам «формами правления», Россия, как зрелый плод, упадет к престолу конституционного монарха и на этом успокоится на долгие годы. Такова наша вера, и также, как мы, думает огромное количество людей, горячо любящих свою Родину»¹⁹⁵.

Задачу Добровольческой армии в 1918 году Шульгин, по словам П. Н. Милюкова, ограничивал оккупацией совместно с союзниками русского юга «и уничтожением всех следов «украинства»¹⁹⁶.

Взгляды В. В. Шульгина в значительной мере совпадали с взглядами руководителей Добровольческой армии, Шульгин пользовался у них особым уважением, и к его мнению прислушивались¹⁹⁷. Следует отметить, что непоколебимая верность Шульгина и его группы союзнической ориентации находила особую поддержку у вождей Белого движения.

Итак, киевская работа В. В. Шульгина была достаточно успешна: Шульгин вел успешные переговоры с союзниками, руководил «Азбукой», находился в тесном деловом контакте с деятелями московских антисоветских организаций. Отметим, что сам В. В. Шульгин весной–летом 1918 г. находил необходимым оставить Киев и все дела на А. М. Драгомирова и отправиться в Москву и Архангельск. Цель поездки была одна: достигнуть единства в контрреволюционном лагере. Планируемая поездка В. В. Шульгина получила одобрение у Верховного Руководителя Добровольческой армии генерала М. В. Алексеева. «Если Шульгину удастся добиться общественного единения, то можно начать переговоры об объединении высших сил в разных

¹⁹² Шульгин В. Учредительное Собрание, а не Совдеп // Киевлянин. 1919. 14 сентября.

¹⁹³ Шульгин В. Примерка // Россия. Одесса. 1919. 10 января.

¹⁹⁴ Шульгин В. Монархисты и республиканцы // Россия. Одесса. 1919. 25 января.

¹⁹⁵ Передовая В. Шульгина // Россия. Екатеринодар. 1918. 7 октября.

¹⁹⁶ Дневник П. Н. Милюкова. 1918–1921. М., 2004. С. 179.

¹⁹⁷ Соколов К. Н. Правление генерала Деникина. София, 1921. С. 28.

частях России, которые борются с большевиками», — писал М. В. Алексеев, остро критиковавший политическую борьбу в российском контрреволюционном лагере, вредившую, по его словам, репутации России в глазах союзников¹⁹⁸. В свою очередь, в беседе с подполковником С. Н. Ряснянским Шульгин заявил о бесперспективности антибольшевистской борьбы на Юге в условиях германской оккупации. Шульгин, если верить воспоминаниям Ряснянского, говорил о необходимости «направлять всех добровольцев не на Юг к нам, а на Восток и на север в Архангельск, где, по его мнению, должны быть собраны армии и оттуда можно не опасаясь немцев начать движение на Москву...»¹⁹⁹. Также Шульгин высказал намерение оставить Киев и отправиться на Волгу вместе с генералом А. М. Драгомировым, у которого собирался быть «начальником гражданской части»²⁰⁰. Все эти поездки Шульгина не состоялись в виду изменения политической ситуации на Украине.

Обширное литературное наследие Василия Витальевича Шульгина исследовано далеко не до конца. Между тем сочинения этого незаурядного мыслителя и политика, о жизни которого можно было бы написать не один роман, являются крайне интересным источником по истории России начала XX века. Суждения и оценки Шульгина, не всегда бесспорные, зачастую предвзятые, порой излишне эмоциональные, все же заставляют задуматься, они порождают исследовательскую проблему, решение которой — задача историка.

С января 1918 г. на Украине шла настоящая аграрная революция, которую местные власти и не думали останавливать. Украинский помещичий класс не мог, разумеется, оставаться безучастным к происходившему переделу своей собственности. Один из крупных украинских помещиков граф Д. Ф. Гейден вспоминал: «Бездействие Рады и потворство ее разбойничьим инстинктам народа заставило сплотиться всех землевладельцев в пределах Украины: сперва крупных и средних, а потом и мелких, так называемых хлеборобов, т. е. тех же крестьян, купивших, кроме надельной земли, собственные участки, которые у них тоже начала отбирать крестьянская голь, безземельные и малоземельные крестьяне. Союз этот имел первоначальное название «Киевского областного союза землевладельцев» и действовал в пределах Киевской и соседней с нею губерний, а потом уже, по мере включения в него и более дальних малороссийских и южных губерний принял название «Всеукраинского союза хлеборобов»²⁰¹. Председателем правления союза был граф Д. Ф. Гейден. Кроме него, руководящие роли в союзе хлеборобов играли такие деятели, как В. П. Кочубей, А. А. Коновницын, А. А. Вишневский и А. А. Зноско-Боровский. На общих собраниях хлеборобов, проходивших в Киеве сначала на Пушкинской, а потом на Лютеранской улице, появлялись многие известные люди, в числе которых был и будущий гетман П. П. Скоропадский, скучавший, по его словам, «от ничего неделания» и возмущавшийся тем, что «другие тоже ничего не делают»²⁰².

¹⁹⁸ ГАРФ. Ф. Р-6396. Оп. 1. Д. 91. Л. 2–3.

¹⁹⁹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 606. *Ряснянский С. Н.* «В плену у немцев в Киеве». Л. 21. На момент пребывания в Киеве будущий полковник С. Н. Ряснянский был еще в чине подполковника.

²⁰⁰ Там же. Л. 25.

²⁰¹ *Гейден Д. Ф.* «Скоропадского я знал с малых лет» / Подготовка текста, предисловие и публикация к. и. н. А. С. Пученкова // Исторический архив. 2012. № 2. С. 117.

²⁰² *Скоропадский П.* Указ. соч. С. 132.

Вошедшие в Киев по соглашению с Центральной Радой немцы, скоро разочаровались в деловых способностях социалистического правительства Украины, которому не удавалось установить какую-то власть на местах, и, как следствие, обеспечить экономические интересы Германии в регионе²⁰³. Немцы платили за необходимое им продовольствие и услуги — сначала русскими деньгами, которое население принимало неохотно: все знали, что эти рубли печатаются в Берлине, и не очень доверяли такой единице расчета; затем германцы стали расплачиваться карбованцами, которые можно было спокойно поменять на те же самые германские марки. Все же долгое время немцы испытывали затруднения с получением оговоренного по договору с Украиной количества продовольствия: деревня не хотела отпускать продукты вчерашним врагам; часто устраивались крушения поездов, направляемых в Германию и т. д. Тогда посредническую миссию принял на себя известный коммерсант, прогермански настроенный, по оценке историка Ю. Фельштинского²⁰⁴, деятель А. Ю. Добрый, занимавший пост директора киевского отделения Русского для внешней торговли банка. Добрый в дни Первой мировой войны был арестован по так называемому делу киевских сахарозаводчиков, продавших немцам в разгар боевых действий крупную партию сахара, и в 1916 даже отсидел пять месяцев в тюрьме, откуда его вызволили с помощью всеильного Г. Е. Распутина²⁰⁵. Прекрасно знакомый с представителями украинского делового мира, Добрый легко установил, естественно, за хорошую комиссию, правильную норму скупки продуктов, которые через него поступали германскому военному командованию²⁰⁶. Официально это именовалось «экспорт» украинских товаров, но эта формулировка лишь скрывала правду, о которой справедливо написал Деникин: «Экспорт был разорением края и тяжелой данью австро-германцам <...> Эта дань взыскивалась с населения по низким ценам реквизиции, нередко пулеметами; это она дала возможность истощенным австро-германским армиям протянуть войну еще полгода, в течение которого было пролито столько лишней крови англичанами и их союзниками...»²⁰⁷.

25 апреля 1918 г. Добрый был похищен неизвестными лицами, предъявившими ему мандат от имени некоего «Комитета освобождения Украины», и увезен ночью в автомобиле из Киева в Харьков. Похищение вызвало колоссальный переполох у немцев. В частности, германский посол Мумм посетил премьера Голубовича и потребовал у того немедленно найти банкира. Премьер, судя по всему, не был поставлен в известность о готовящемся похищении, но узнав о нем, не сделал попытки вернуть Доброму свободу. По Киеву прокатился слух, что похищение немецкого ставленника — начало «большой игры», и что в городе готовится «сицилийская вечерня», в ходе которой в городе будут вырезаны все немцы²⁰⁸. Немцы, до этого бывшие на Украине настоящими хозяевами положения и проводившие

²⁰³ *Татищев А. А.* Земли и люди: В гуще переселенческого движения (1906–1921). М. С. 299; ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 524. Записки одесского градоначальника генерала В. А. Мустафина. Л. 44.

²⁰⁴ *Фельштинский Ю.* Крушение мировой революции. London, 1991. С. 358.

²⁰⁵ *Симанович А.* Распутин и евреи // Распутин и евреи. М., 2005. С. 195.

²⁰⁶ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВУО Украины). Ф. 4547 (Генерал Стеллецкий). Оп. 1. Д. 1. Л. 54–55, 64–66. Воспоминания генерала Б. С. Стеллецкого.

²⁰⁷ *Деникин А.* Окраинный вопрос // Последние новости. Париж. 1932. 7 декабря.

²⁰⁸ *Федюк В. П.* Белые. Антибольшевистское движение на Юге России. 1917–1918. М., 1996. С. 76.

фактически беспрепятственно обыски, аресты и даже расстрелы украинских граждан²⁰⁹, восприняли похищение Доброго как удар по самим себе и отреагировали незамедлительно, отдав приказ о военно-полевых судах, согласно которому лица, обвиняемые в преступлениях, так или иначе затрагивающих германские интересы, независимо от своего гражданства и национальности подлежали не украинскому, а немецкому суду. А в ночь с 26 на 27 апреля немцы разоружили 1-ю Украинскую дивизию («синежупанников»), составлявших главную опору Рады.

А что же было с А. Ю. Добрым? Изначально похитители планировали отвезти банкира в Путивль, но не смогли отказаться от предложенной Добрым взятки в 100 тысяч рублей, и отвезли его в Харьков, где коммерсанту оставалось обратиться за помощью к первому же им встреченному немецкому лейтенанту. Вскоре стало известно, что приказ о похищении Доброго был отдан министром внутренних дел М. С. Ткаченко, а фактически осуществлен чиновником по особым поручениям Осиповым и адъютантами военного министра А. Т. Жуковского Федоровым и Чернобродовым²¹⁰. Причина похищения Доброго не вполне понятна: то ли тут проявилось стремление правительства Рады ударить кулаком по столу и показать немцам, что украинские власти — действительные хозяева положения, оказав подобным образом какое-то давление на оккупантов, то ли тут была более тонкая игра, но налицо было то, что Рада добилась результата прямо противоположного тому, которого хотела добиться. Можно согласиться и с ярославским историком В. П. Федюком, утверждавшим, что «дело Доброго окончательно подписало Раде смертельный приговор»²¹¹.

Следствие установило, что похищение — на совести у некоторых членов Центральной Рады²¹², в частности, на скамье подсудимых оказались министр внутренних дел Ткаченко и военный министр А. Жуковский²¹³. Последний, впрочем, в своих воспоминаниях категорически отрицал свою причастность к похищению банкира, утверждая, что не только не знаком с Добрым, но и не знал в тот момент о его существовании и его занятиях²¹⁴. В конце концов, следствие и открытое судебное заседание, проходившее в июле 1918 г., пришло к заключению об антигерманской политике правительства Центральной Рады²¹⁵. Именно так было квалифицировано похищение А. Ю. Доброго. Думается, что к таким выводам немцы пришли гораздо раньше завершения судебного следствия, обойдясь в своем анализе без каких-то там судебных «формальностей», решив для себя, что Рада не является для них политическим партнером, которому можно доверять и на содействие которого можно рассчитывать. Если верить воспоминаниям начальника штаба германских войск на Украине В. Гренера, именно похищение А. Ю. Доброго стало поводом

²⁰⁹ ЦГАВОУ Украины. Ф. 2592 (Министерство иностранных дел Украинской народной республики). Оп. 1 Д. 41. Про аресты украинских граждан немецкими военными властями. Февраль–апрель 1918. Л. 11–18.

²¹⁰ Федюк В. П. Белые. Антибольшевистское движение на Юге России. 1917–1918. М., 1996. С. 76–77.

²¹¹ Там же. С. 77.

²¹² *Українська Центральна Рада*. Документи і матеріали у двох томах. Т. 2. К., 1997. С. 327.

²¹³ Круной С. «Ганьба» // Русский голос. Киев. 1918. 12 (25) июля.

²¹⁴ ЦГАВОУ Украины. Ф. 3543 (Жуковский А. Т.). Оп. 1. Д. 1. Воспоминания А. Т. Жуковского. 1918 г. Л. 109.

²¹⁵ Дело о похищении А. Ю. Доброго // Русский голос. Киев. 1918. 12 (25) июля.

к подготовке государственного переворота и к установлению удобной для немцев политической власти в оккупированной стране²¹⁶.

Как откровенно писал выдающийся немецкий военачальник Э. Людендорф, «юное украинское правительство оказалось не в состоянии успокоить страну и поставлять нам хлеб»²¹⁷, а начальник штаба немецких войск на Украине В. Гренер прямолинейно назвал премьера Голубовича «слабаком»²¹⁸. В свою очередь сам фельдмаршал Г. фон Эйхгорн, командующий группой армий «Киев», оккупировавших Юг России, охарактеризовал В. А. Голубовича как «более чем посредственного молодого человека»²¹⁹. Будущий рейхс-президент Веймарской республики фельдмаршал П. Гинденбург писал в своих воспоминаниях, комментируя условия Брестского мира: «Русская военная сила вышла из войны. Большие территории страны и целые народности были оторваны от русского тела. Образовалась большая трещина между Великороссией и Украиной. Выделение по мирному договору окраинных государств было для меня военным успехом. Этим был создан, если можно так выразиться, буфер позади нашей границы против России <...> Нечего и говорить, что переговоры с русским правительством террора очень мало соответствовали моим политическим убеждениям. Но мы были вынуждены прежде всего заключить договор с существующими властями Великороссии. Впрочем, тогда там все так волновалось, что я лично не верил в длительное господство террора. Несмотря на заключение мира, мы и теперь, конечно, не могли отвести все наши боеспособные силы с востока, не могли предоставить занятые области собственной судьбе. Уже одно желание установить барьер между большевистскими властями и освобожденными нами землями настоятельно требовало оставления на востоке сильных немецких частей. Наши операции на Украине также не были закончены. Мы должны были вступить в эту страну, чтобы упорядочить ее политические отношения. Только тогда, когда это удалось, у нас явилась перспектива добывать на Украине предметы необходимости прежде всего для Австро-Венгрии, затем и для нашей Родины, кроме того сырье для военной промышленности и военных потребностей в нашей армии. Политическая точка зрения в этом предприятии не играла никакой роли для высшего командования»²²⁰.

Немцы стали искать более сильной власти в среде крупных помещиков. Свои переговоры немцы проводили с председателем Киевского областного совета землевладельцев В. С. Кочубеем. Кроме того, в совещаниях с немцами участвовали также и помещики Вишневский, Енни и Воронович. Кочубей играл на переговорах ведущую роль, о них знало всего несколько человек. В ходе переговоров и возникло имя русского генерала П. П. Скоропадского, отдаленного потомка петровского гетмана Скоропадского²²¹. Именно это родство Павла Петровича, по убеждению полковника Ф. Н. Безака, одного из активнейших участников этих переговоров, сыграло определяющую роль в выдвижении кандидатуры Скоропадского. «Лучшего

²¹⁶ *Groener W. Lebenserinnerungen. Göttingen, 1957. S. 398.*

²¹⁷ *Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918. Т. 2. М., 1924. С. 190.*

²¹⁸ *Groener W. Lebenserinnerungen. Göttingen, 1957. S. 398.*

²¹⁹ *Гейден Д. Ф. «Скоропадского я знал с малых лет» // Исторический архив. 2012. № 2. С. 123.*

²²⁰ *Гинденбург П. Воспоминания. Пг., 1922. С. 67.*

²²¹ См. приложение 2.

выбора сделать не могли», — вспоминал Безак²²². За Скоропадским стояла реальная сила — он поддерживался офицерами 1-го Украинского корпуса, которым командовал чуть ранее²²³. Украинское офицерство и составляло ударную силу «Украинской народной громады», завязавшей отношения с хлеборобами и немцами. Эта организация ставила в основу своей программы «компромисс в социальном вопросе, демократизацию государственного устройства в границах, неопасных для государственной мощи и украинизацию русифицированных слоев культурного класса на Украине — путем постепенного привлечения их к культурной и государственной работе». Еще в конце марта 1918 у руководителей организации Н. Н. Устимовича, В. С. Кочубея, В. Ю. Любинского, М. М. Вороновича возникло убеждение, что только сильная диктаторская власть в руках одного человека может вывести страну из состояния анархии. Наилучшей формой власти громадянам виделась историческая форма гетманства, а наиболее подходящим кандидатом в гетманы — генерал П. П. Скоропадский²²⁴. За Скоропадского говорило также и то, что он придерживался немецкой ориентации, т. е. заявлял о своей уверенности в окончательной победе немцев в продолжающейся мировой войне. Ходили также непроверенные слухи, что жены Скоропадского и генерал-фельдмаршала Г. фон Эйхгорна, главнокомандующего немецкой группой армий «Киев», были родными сестрами²²⁵.

Сторонники союзнической ориентации в расчет не брались. Влиятельные антантофилы, вроде Гейдена, к переговорам не привлекались. Граф был посвящен в тайну переговоров лишь накануне съезда хлеборобов, на котором Скоропадский и был провозглашен гетманом Всея Украины²²⁶. Кроме того, важную, может быть, ключевую роль в переговорном процессе, играл бывший киевский губернский предводитель дворянства, старый товарищ Скоропадского полковник Ф. Н. Безак. На его квартире, под охраной немецкого караула, проходили ежедневные встречи заговорщиков, а в крохотном кабинете Безака поселился сам Скоропадский²²⁷. С немецкой стороны, как вспоминал кадет В. М. Левитский, в переговорах участвовали майоры Генерального штаба Альвенслебен и Гаазе²²⁸. После же встречи Скоропадского с начальником штаба германского главнокомандующего В. Гренером, на которой последний озвучил требования немецких оккупационных сил к претенденту на власть, во многом повторявшие условия Брестского договора и бывшие, по словам украинского историка Р. Пирога, «фактическим ультиматумом»²²⁹, Павел Петрович согласился на свое участие в перевороте, и имя генерала «стали шепотом»

²²² Безак Ф. Н. Воспоминания о Киеве и гетманском перевороте / Подготовка текста, публикация и комментарии к. и. н. А. А. Иванова // Верная гвардия. М., 2008. С. 392–393. Помимо Скоропадского, немцы рассматривали также и другие кандидатуры: известного представителя интеллигенции Е. Х. Чикаленко, социалиста-самостийника И. Луценко, одного из организаторов Вольного казачества И. Полтавца-Острияницу (см.: Пиріг Р. Українська гетьманська держава 1918 року. Історичні нариси. К., 2011. С. 78).

²²³ Папакин Г. В. Павел Петрович Скоропадский // Вопросы истории. 1997. № 9. С. 68.

²²⁴ Дорошенко Д. И. Гетманство 1918 г. на Украине // Голос минувшего на чужой стороне. Т. 5 (18). Париж, 1927. С. 152.

²²⁵ Осипов И. На переломе: Очерки, 1914–1920 гг. Перемышль; Нью-Йорк, 1922. С. 39.

²²⁶ Гейден Д. Ф. «Скоропадского я знал с малых лет» // Исторический архив. 2012. № 2. С. 124–125.

²²⁷ Безак Ф. Н. Указ. соч.. С. 394.

²²⁸ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 449. Л. 15–16.

²²⁹ Пиріг Р. Указ. соч. С. 79.

называть в обществе «как возможного и желательного гетмана», — вспоминал одесский градоначальник генерал В. А. Мустафин²³⁰. Видный философ В. В. Зеньковский, служивший в правительстве Скоропадского министром церковных исповеданий, писал о том, что из «переговоров полутайных, полуизвестных — родилась идея гетманщины, на которой готовы были сойтись русские промышленные и землевладельческие круги с умеренными украинцами»²³¹. По словам официального биографа Скоропадского, Павел Петрович все время тайно работал «с группой людей, любящих Украину и так же, как он, понимающих государственность»²³². Результатом «работы» Павла Петровича с «группой людей» и стал переворот 29-го апреля 1918 года. По утверждению московского историка В. Ж. Цветкова, называть переход власти к гетману государственным переворотом можно лишь с большой долей условности²³³, в то время как советский историк Г. З. Иоффе писал об определяющей роли немцев в «заговоре» и «перевороте», подчеркивая, что переворот «не потребовал длительной и тщательной подготовки»²³⁴. В свою очередь, немецкий историк В. Баумгарт также говорит именно о перевороте и об «афере»²³⁵. Как государственный переворот избрание Скоропадского квалифицирует и крупнейший российский историк проблемы И. Михутина²³⁶. Думается, что двух мнений тут быть не может. Современники воспринимали произошедшие события именно как тщательно подготовленный захват власти. Захвату власти предшествовали подготовительные мероприятия — политические и военные.

Сохранились воспоминания одного из политических сотрудников В. В. Шульгина, журналиста газеты «Голос Киева», рассказывающего о своих переговорах накануне гетманского переворота с неким «Михаилом Львовичем», под описание которого по всем характеристикам подходит известный украинский политический деятель М. Л. Гижицкий²³⁷. «Михаил Львович» сообщает собеседнику данные о грядущем перевороте:

- Нам помогают немцы.
- Но что же Вы хотите создать вместо теперешнего правительства?
- Первая цель — борьба с социализмом. Нужно подобие монархической власти. Что бы Вы сказали, например, о гетмане?
- Но нужен человек.
- Человек есть...
- Я вспомнил подхваченное на лету имя.
- Скоропадский?
- Он несколько удивился.

²³⁰ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 524. Л. 47.

²³¹ Зеньковский В. Пять месяцев у власти. Воспоминания / Публ. М. А. Колерова. М., 2011. С. 65.

²³² Малайревский А. П. Скоропадский гетман Вся Украина. Киев, 1918. С. 23.

²³³ Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1917—1918... С. 241.

²³⁴ Иоффе Г. З. Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. С. 282—283.

²³⁵ Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Weltkrieges. Wien, 1966. S. 150.

²³⁶ Михутина И. Украинский Брестский мир... С. 268.

²³⁷ Осведомленный киевский деятель Д. В. Скрынченко в своем дневнике прямо говорил о том, что М. Л. Гижицкий «устроил комедию избрания в гетманы Павла Скоропадского...» (см.: Скрынченко Д. В. Обрывки из моего дневника. М., 2012. С. 29).

— Вы осведомлены. Ну, так вот, через три дня начнется съезд хлеборобов. Нам нужно мобилизовать силы, чтобы все прошло гладко...»²³⁸.

«Союз хлеборобов» в дни, предшествующие перевороту, напряженно работал над собиранием данных о том, как экономика Украины страдает от социалистических экспериментов. На 29 апреля был назначен съезд хлеборобов со всех губерний Украины: Киевской, Подольской, Волынской, Черниговской, Полтавской, Харьковской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической. Собрались представители более 100 уездов, всего более 6000 человек²³⁹. В планы заговорщиков об избрании гетмана масса съезда посвящена не была. Председателем съезда было решено избрать немецкого ставленника и опытного митингового оратора крестьянина кременчугского уезда Полтавской губернии Н. Г. Коваленко. На него возлагалась важная роль: предложить съезду кандидатуру Скоропадского.

План немцев состоял из двух частей: во-первых, арестовать в помещении Рады в здании Педагогического музея весь состав старого парламента и правительства и посадить его в тюрьму; во-вторых, «всенародно» провозгласить гетмана. Все это было в итоге сделано без каких-либо сложностей²⁴⁰. В Центральную Раду 28 апреля ворвались немцы — караул, состоявший из сечевых стрельцов, не оказал им никакого сопротивления, практически не отреагировав на государственный переворот и низложение правительства²⁴¹. После формального «ареста» «арестованные» были отправлены по домам. Поспешно утвержденная Радой на ее последнем заседании 29 апреля конституция Украинской народной республики уже не могла спасти существующую конструкцию власти. Тем более, что 29 апреля, в здании цирка Крутикова состоялись выборы нового главы государства — гетмана Скоропадского. В здании цирка выступали собравшиеся делегаты, все, как один, доказывая в своих речах невыносимое положение украинской деревни и требуя единоличной власти. В. А. Мустафин вспоминал: «Ораторы в зипунах были более красноречивы, чем их лидеры — крупные помещики и земцы, речи их дышали глубоким народным разумом, наблюдательностью, которые присущи домовитому крестьянину, ясно умеющему ценить не только интересы своего личного хозяйства, но даже и ту политическую обстановку, которая может хорошо или дурно влиять на преуспевание этого хозяйства. Революция также еще многому научила. Полные юмора, метких словечек и особой “хохлацкой хитрецы”, поднимавшиеся до искреннего пафоса речи хлеборобов вызывали бурные аплодисменты»²⁴². Не успели закончить говорить все записанные в очередь депутаты, как немцы прислали сказать в президиум съезда, чтобы торопились с его окончанием, т. к. с правительством уже все было покончено. Именно тогда вышел Коваленко, предложивший избрать гетманом Скоропадского. Раздался гул хлеборобов и крики «Треба!»

«Выборы» гетмана имели свою предысторию. Дополняет рассказ свидетельство кадета В. М. Левитского: «Выборы же гетмана произошли так. К одному из русских

²³⁸ ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 42 б. Л. 8. Видный историк Г. З. Иоффе в своей книге ошибочно называет автором воспоминаний В. В. Шульгина (*Иоффе Г. З. Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. С. 282*). Это неверно, т. к. автор воспоминаний пишет о своем возрасте в 1918 году — чуть больше 20 лет. Шульгину же в 1918 году было 40 лет.

²³⁹ Съезд хлеборобов // *Голос Киева*. 1918. 1 мая.

²⁴⁰ *Гейден Д. Ф. «Скоропадского я знал с малых лет» // Исторический архив. 2012. № 2. С. 125.*

²⁴¹ ЦГАВО Украины. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 1. Л. 97 об.

²⁴² ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 524. Л. 53.

офицеров вечером приехал бывший член Государственной Думы Гжицкий, вынул из кармана 5000 рублей и заявил: “Наберите 30 человек «для дела». Пока пусть только ежедневно являются в назначенное вами место. Опоздавших исключайте. Платите по 15 рублей в день и выдайте 100 рублей единовременно”: желающих нашлось сколько угодно. Отбою не было. “Я с ними строго, чуть опоздал, кандидатом замену,” рассказывал мне сам антрепренер. Через несколько дней им объявили, что их приведут в цирк, где они по данному знаку должны кричать: “Гетмана нам треба! Гетмана!” “Если кто будет возражать, спустите с лестницы, не считаясь ни с чином, ни с званием”. Все и было исполнено в точности. “Кричали честно”, как сами потом, смеясь, рассказывали эти замечательные русские люди. В переговорах о гетмане принимал участие и кадет А. К. Ржепецкий и многие, многие иные»²⁴³. В итоге крик подхватил весь зал. Тут перед собранием и предстал генерал Скоропадский, одетый в белую черкеску, и «благодарил за оказанную ему честь на украинской мове, хотя говорил нескладно и с совершенно ненародным произношением, как актер, не знающий языка, на котором ему приходится выступать»²⁴⁴. Современник вспоминал: «Я не думаю, чтобы Павел Петрович Скоропадский чувствовал себя когда-нибудь в более смешном и неловком положении, чем в день вступления в должность гетмана. Конечно, было налажено представление, но все же это был цирковой спектакль. Недаром же этот съезд хлеборобов происходил в цирке. Правда, были маленькие различия в подробностях: вместо цирковых автомобилей у здания цирка пытели немецкие броневики, звери были не на арене, а в ложах и первых рядах партера. Но зато звери были редкие — зубры большие и маленькие. Пьеса была поставлена в стиле античной трагедии — ряд монологов на тему о нехорошем человеке Петлюре и социализме, губящем крестьянское хозяйство. Крестьяне, впрочем, действительно, говорили искренно... После этого хор артистов и зрителей подхватил заключительную фразу последнего оратора “Нам треба гетмана”... “Гетмана, гетмана” — пронеслось по цирку. И вот — самый торжественный момент трагедии является в лице Павла Петровича. Помню, у меня тогда мелькнула мысль — а что, если бы я, предупредив выход чуть замешкавшегося Павла Петровича, взбежал бы на эстраду, раскланялся и стал благодарить за избрание. Ведь почтенные “Громадяне” так и умолчали о роли, кого они хотят в гетманы, большинство не предполагало даже, что дело дойдет до “избрания” гетмана, многие впервые услышали о существовании Павла Петровича... Но вот и сам он появился на эстраде, с грехом пополам произнес благодарственную речь “громадянам”, поспешно и как будто несколько сконфуженно пробрался к автомобилю и поехал домой...”²⁴⁵.

В 2 часа 29 апреля 1918 г. все было закончено, а уже в 3 часа дня состоялся торжественный молебен на Софийской площади Киева. После закрытия съезда

²⁴³ Там же. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 449. Л. 16.

²⁴⁴ *Гейден Д. Ф.* «Скоропадского я знал с малых лет» // Исторический архив. 2012. № 2. С. 125. Историк В. П. Федюк приводит в своей книге эту речь Скоропадского: «Господа! Искренне благодарю вас за предложенную власть. Не для собственной выгоды беру ее на себя, а для прекращения анархии принимаю эту власть от вас. На вас и на благоразумные слои населения я буду опираться. Молю Бога, чтобы он помог мне спасти Украину от крови и гибели, перед которой она стоит» (цит. по: *Федюк В. П.* Белые. Антибольшевистское движение на Юге России. 1917–1918 гг. М., 1996. С. 79). В свою очередь в правительственном официозе — «Державном вiстникe» — была опубликована «Грамота до Всього Українського Народу», подписанная П. Скоропадским (Державний вiстник. Київ. 1918. 16 травня).

²⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 42 б. Л. 8–9.

в расходящейся толпе кто-то самодовольно сострил: «Вот это здорово и умно... Теперь у нас и есть царь, и нет царя»²⁴⁶.

Закончились, по словам украинского историка А. Копиленко, «сто дней» Центральной Рады, правительства, «блестяще» сумевшего в кратчайшие сроки доказать свою абсолютную профессиональную непригодность, а ее политические идеалы, по словам того же Копиленко, оказались «нежизнеспособными»²⁴⁷. Очень хлестко и точно выразился о падении Центральной Рады Шульгин: «Товарищество официантов было разогнано, и был нанят «*maître d'hôtel*»²⁴⁸. Кабинет Голубовича был дискредитирован, как вспоминал военный министр Центральной Рады А. Т. Жуковский, «прежде всего тем, что ему пришлось отступить от того пути, на котором стоял кабинет до большевистского восстания <...> буржуазные партии, саботируя работу Кабинета, очень обрадовались приходу немецкого войска, так как они были уверены, что получают поддержку от немецкой буржуазии. Началась закулисная игра так называемых «зубров» — давайте «пойдем и поклонимся» немецким кухням»²⁴⁹.

«Игра в демократию» на Украине для германского командования закончилась. Немцы сделали ставку на сильную власть с монархическим оттенком. Проблема заключалась в том, что власть гетмана основывалась лишь на германской силе. Она была порождена ею, и с крушением немцев была обречена на гибель. Мемуарист Р. Ю. Будберг, находившийся в момент переворота в Харькове, а впоследствии занимавший при гетмане должность управляющего державного земельного банка, вспоминал, что «вся эта история произвела впечатление какой-то оперетки, но всем нам было ясно, что сделано это было не хлеборобами и не украинцами, а было инсценировано: рука немцев была слишком видна»²⁵⁰. Более эмоциональный и глубоко пессимистичный итог произошедшего в Киеве записал в своем дневнике вдумчивый наблюдатель, профессор Новороссийского университета И. А. Линниченко: «Гетман прогоняет раду немецкой палкой, как вертлявый петрушка, рвет универсал и провозглашает украинскую державу вместо украинской республики. Но, отрицая русскую ориентацию, немцы не отрицали пану гетману объявлять себя самовластным, назначить правительство. Старая игра в царя. Держава самостийная — с бумажками вместо денег, жупанами вместо солдат, днепровскими лодками вместо флота. Гетман под рукою его королевского цесарского величества, всегерманского императора <...> Немцы содержатся на наших квартирах, пьют свое пиво, курят сигары и потешаются над русской свиньей...»²⁵¹. Линниченко же, называя украинскую политику «опереткой», едко написал: «А тем временем в другом месте — другой акт оперетки. В другое собрание входит некто в сером френче и провозглашает себе гетманом. Рада с головою без головы, гетман без войск, диктатор без власти. Волнуемся, да и только. Идут процессии с красными знаменами — смотрим. Немецкие каски — смотрим. Большевики — на власть.

²⁴⁶ Слободской А. Среди эмиграции (Мои воспоминания). Киев — Константинополь. 1918–1920. Харьков, 1925. С. 9.

²⁴⁷ Копиленко О. Л. Сто днів Центральної Ради. К., 1992. С. 150.

²⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 19. Л. 15.

²⁴⁹ ЦГАВО Украины. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 1. Л. 108.

²⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 270. Воспоминания Р. Ю. Будберга. Л. 1.

²⁵¹ Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 153 (Линниченко И. А.). Оп. 1. Д. 9. Л. 13. Запись от 29 апреля 1918 г.

Молчим. Муравьев — и главоверх, и диктатор. Молчим. В Украине — молчим. Скоропадский объявляет себя гетманом — читаем и молчим»²⁵². Действительно, безропотность населения Киева не могла не поражать воображение, а Центральная Рада — тут нельзя не согласиться с советским историком Н. И. Супруненко, — «изжила себя целиком»²⁵³. Помимо немцев, в перевороте важную роль сыграла партия хлеборобов, которая, по выражению современного украинского специалиста В. Ф. Солдатенко, «освятила» гетманский переворот, но партия эта, по мнению ученого, «была слабо организованной и не могла претендовать на всеукраинский характер»²⁵⁴. По словам Солдатенко, «не имея под собой сколько-нибудь серьезного социального фундамента, гетманщина не могла надежно опереться на какую-нибудь украинскую политическую силу...»²⁵⁵.

Вечером того же дня на квартире полковника Безака происходило обсуждение кандидатур в будущее гетманское правительство. Каждый из присутствовавших (всего заседало около 20 человек) писал свой список Совета министров²⁵⁶. Однако вскоре все было согласовано и началось правление гетмана Скоропадского. Р. Ю. Будберг писал о том, что «вся конструкция власти была двойка: официально — Гетман и Совет министров, а за кулисами — немецкое командование; первая власть являлась видимой всеми, хотя до некоторой степени ответственной пред общественным мнением, наружно облеченной всей полнотой власти и, в то же время, — фактически совершенно бессильной и вполне зависимой от власти второй, немецкой, действовавшей за кулисами, никому не видной, но единственной, обладавшей реальной силой»²⁵⁷. Буквально за несколько дней власть гетмана распространилась на всю территорию Украины, включая и будущую столицу Украинской ССР (в 1919–1934 гг.) — Харьков²⁵⁸, население разочаровалось в политике Центральной Рады и связывало со Скоропадским надежды на улучшение положения²⁵⁹. Особые надежды воцарение гетмана вызывало у интеллигенции, видевшей в режиме Скоропадского прежде всего стабильность и мечтавшей о том, чтобы она продлилась подольше²⁶⁰. Е. Х. Чикаленко, один из самых известных представителей украинской интеллигенции того времени, писал вскоре после гетманского переворота в своем дневнике: «Как быстро меняются в зависимости от обстановки и наши идеалы. Еще не так давно мы только мечтали про территориальную автономию Украины, как об очень нескором идеале. Мы мечтали о своем парламенте, в котором будут править русофил В. Шульгин с одного боку, а с другого В. Короленко <...> Теперь после социалистических экспериментов все надежды вновь приходится

²⁵² Там же. Л. 10.

²⁵³ Супруненко Н. И. Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине (1918–1920). М., 1966. С. 44.

²⁵⁴ Солдатенко В. Ф. Україна в революційну добу: Іст. есе-хроніки. У 4-х т. Т. II. Рік 1918. К., 2009. С. 170.

²⁵⁵ Там же. С. 170.

²⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 42 б. Л. 12–13.

²⁵⁷ Там же. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 270. Л. 4.

²⁵⁸ Михайлов Г. Гетманский переворот в Житомире // Літопис революції. Харків. 1928. № 4 (31). С. 134.

²⁵⁹ Папакин Г. В. Павел Петрович Скоропадский // Вопросы истории. 1997. № 9. С. 69.

²⁶⁰ Полетика Н. П. Виденное и пережитое. Тель-Авив, 1983. С. 133–134.

возлагать на украинскую стихию, которая впоследствии создаст все-таки национальную Украину»²⁶¹. Появилось новое официальное название украинского национального государства — Украинская Держава²⁶².

Все же настоящей популярности режиму гетмана достичь так и не удалось. Гетмана поддерживали хлеборобские, землевладельческие и торгово-промышленные элементы Украины, средняя буржуазия поддерживала режим Скоропадского скорее из соображений безопасности, чем какого-то национального чувства; левая социалистическая демократия, крестьянство и рабочие — т. е. подавляющая масса — заняли по отношению к гетману враждебную позицию²⁶³. К тому же на Украине противоречия между трудом и капиталом были особенно сильны, а промышленники в свою очередь не были готовы к конструктивному диалогу с пролетариатом²⁶⁴. Помещики же не только хотели получить полную компенсацию за то, что было у них взято или уничтожено во время аграрных беспорядков, но зачастую и преувеличивали суммы своих убытков²⁶⁵. Такая классовая ограниченность в то время была попросту неуместна. Думается, что одна из справедливых дефиниций гетманщины предложена в новейшей монографии В. И. Голдина: «буржуазно-помещичья диктатура»²⁶⁶.

Переворот на Украине безусловно носил монархический характер. Глава советской школы историографии Октябрьской революции и Гражданской войны академик И. И. Минц, вслед за Лениным, утверждал, что воцарение Скоропадского было лишь генеральной репетицией перед готовившимся немцами восстановлением монархии во всей России²⁶⁷. По словам Минца, «Германия превратила Украину в свое генерал-губернаторство»²⁶⁸. Об этом же писалось и в работе А. В. Лихолата²⁶⁹, именовавшего Скоропадского не иначе как «марионеткой» в руках германских оккупантов²⁷⁰. Наркоминдел Георгий Васильевич Чичерин писал о том, что образование в Киеве правительства Скоропадского в глазах большевиков выглядело как «живая угроза всероссийской реставрации»²⁷¹, советские публицисты рассматривали произошедшие события как «репетицию» восстановления монархии²⁷², а Ленин

²⁶¹ Чикаленко Е. Шоденник (1918–1919). К., 2004. Т. 2. С. 29.

²⁶² Солдатенко В. Ф. Україна в революційну добу: Іст. есе-хроніки. У 4-х т. Т. II. Рік 1918. К., 2009. С. 159.

²⁶³ Дорошенко Д. И. Указ. соч. С. 164.

²⁶⁴ Маляревский А. На переэкзаменовке. П. П. Скоропадский и его время // Архив гражданской войны. Вып. 2. Берлин, б. г. С. 128.

²⁶⁵ Скоропадський П. Указ. соч. С. 183.

²⁶⁶ Голдин В. И. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы: монография. Мурманск, 2012. С. 52.

²⁶⁷ Минц И. И. Год 1918-й. М., 1982. С. 437. Современный российский публицист Александр Смирнов даже говорит о том, что Скоропадский установил «практически абсолютную казачью монархию» (Смирнов А. Правда о гетмане Скоропадском, или «Белый кентавр» украинского казачества // Проект «Украина», или Звездный год гетмана Скоропадского. М., 2008. С. 21).

²⁶⁸ Минц И. И. Год 1918-й... С. 433.

²⁶⁹ Лихолат А. В. Указ. соч. С. 101.

²⁷⁰ Там же. С. 103.

²⁷¹ Чичерин Г. В. Внешняя политика Советской России за два года. М., 1920. С. 7.

²⁷² Стеклов Ю. Киевская репетиция // Известия ВЦИК. 1918. 10 мая; Устинов Г. Новые упования контрреволюции // Известия ВЦИК. 1918. 11 мая. Эта мысль была четко выражена в передовице «Правды»: «Правительство Скоропадского не есть Украинское правительство. Это правительство,

говорил о том, что русская буржуазия в тот момент рассуждала солидарно с немцами и была готова «в несколько недель переменить свою политическую веру и от союза с хищниками английскими перейти к союзу с хищниками германскими против Советской власти»²⁷³.

Если советские авторы в 1918 году, как видим, акцентировали внимание на монархическом облике гетманата, иначе говоря, на политической составляющей режима Скоропадского, то в эмигрантской мемуаристике (естественно, антибольшевистского толка) больше говорилось о том, сколь унижен для национального сознания был приход к власти на Украине немецкого ставленника. Мемуаристка Анна Павловна Максимович писала о правительстве Скоропадского: «они воспринимали подчинение немцам, как вещь не только неизбежную, но и не столь уж трагичную. Рассчитывали на немцев, чтобы разбить большевиков, на немцев — чтобы предотвратить дальнейшее развитие революционного процесса на Украине. Словом, для них немцы являлись не врагами, не чужеземными захватчиками, а чем-то вроде покровителей, на которых они рады были опереться. Правительство Скоропадского предпочитало презрительно отмахиваться от всех поднятых революцией социальных и экономических проблем, считая самым удобным и простым заставить население забыть о них при помощи немецких шуцманов. Трудно было представить себе что-нибудь более отвратительное и предательски антинациональное, чем такая политика»²⁷⁴. «Не Хмельницкому, а Мазепе подражал Скоропадский», — писал другой мемуарист, князь А. В. Оболенский²⁷⁵. Еще более оскорбительно написал в своих воспоминаниях о гетмане знаменитый адвокат Оскар Грузенберг, по словам которого, «ряженный в гетмана, свитский генерал Скоропадский, удовольствовавшийся ролью чистильщика сапог у немецкого командования, свел свое служение к обер-интендантству по отобранию для немцев у крестьянства последней горсти зерна»²⁷⁶.

Как видим, решающую роль в избрании гетмана сыграли германские оккупационные силы, без поддержки которых П. П. Скоропадский не смог бы занять свой высокий пост²⁷⁷. Не случайно, что сразу же после избрания германское командование на Украине сообщало Главнокомандующему Восточного фронта: «В данный момент Скоропадский находится целиком и полностью под влиянием главного командования». В той же беседе с немецким штабом Скоропадский заявлял о том, что воссоздание нормальной жизнедеятельности на Украине невозможно без пол-

которое по своим задачам и характеру неизбежно идет к власти Всероссийской. Русская контрреволюция, а не только Украинская отныне имеет своей столицей Киев; русская контрреволюция, а не только украинская имеет своим правительством — “кабинет” гетмана Скоропадского. Гетман Скоропадский — это майское издание августовского ген. Корнилова. Это Всероссийский Корнилов, имеющий к своим услугам пол-миллиона немецких штыков» (Контрреволюция // Правда. 1918. 9 мая (25 апреля)).

²⁷³ Ленин В. И. Доклад о внешней политике / Полн. собр. соч. М., 1962. Т. 36. С. 334.

²⁷⁴ Максимович А. П. Идут большевики... Париж, 1937. С. 51.

²⁷⁵ Оболенский А. В. Мои воспоминания / Предисловие и публикация Н. Н. Вуколова // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования. Вып. 2. М., 2008. С. 371.

²⁷⁶ Грузенберг О. Страницы воспоминаний / Публикация В. В. Кельнера // Вестник еврейского университета в Москве. 1994. № 3 (7). С. 226.

²⁷⁷ Михайлов И. В. Малоизвестные страницы деятельности правительства гетмана П. П. Скоропадского // Гражданская война в России. М., 2002. С. 458.